

Нина
ВАСИНА

**Шпион,
которого я убила**

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Следствие ведет Ева Курганова

Нина Васина

Шпион, которого я убила

«Автор»

2001

Васина Н.

Шпион, которого я убила / Н. Васина — «Автор»,
2001 — (Следствие ведет Ева Курганова)

Аналитик и модель «Плейбоя», снайпер и просто красивая женщина – суперагент Ева Курганова на этот раз столкнулась с делом, в котором все было поставлено с ног на голову... Бесследно исчез агент, пришедший на секретное задание в Театр оперы и балета. При нем были материалы секретных разработок нового стратегического оружия. Совершенно точно одно – он не покидал здание театра. К исчезновению агента явно причастна служащая костюмерного цеха Надежда Булочкина. Она точно что-то знает, но готова говорить только с Евой Кургановой. Она назначает встречу Еве вечером в театре. И вот открывается занавес, вступает оркестр, и... на сцену падает труп...

© Васина Н., 2001

© Автор, 2001

Содержание

1. Учительница	5
2. Балерина	10
3. Учительница	18
4. Балерина	31
5. Учительница	34
6. Балерина	41
7. Учительница	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Нина Васина

Шпион, которого я убила

1. Учительница

Пятого сентября утро случилось тихое и теплое. После нескольких дней проливных дождей, после холодного пронизывающего ветра, испортившего московским школам праздник, сентябрь затаил дыхание, извиняясь и невесомо забрасывая аллеи и дворы кленовым золотом.

У въезда во двор школы № 1496 стояли «Скорая» и полицейская машина. Ева Николаевна прошла мимо слушающего музыку водителя полицейской машины, одним взглядом отметила пустое нутро «Скорой» и остановилась, оценивая обстановку издалека.

У левого крыла школьного здания металась несколько учителей. Задрав головы вверх, они дружно, словно по команде, бросались все вместе то в одну сторону, то в другую. За ними таскались два спотыкающихся санитаров, волоча тяжелый спортивный мат. Школьники были организованно собраны подальше от здания и сдерживались полицейскими в форме. Ева посмотрела на крышу. Человек, устроивший все это безобразие, бежал по крыше и кричал. Именно отслеживая его перемещения, внизу бегала группа учителей, а за ними – санитары. Ева подошла поближе, к застывшему как в столбняке высокому худому мужчине, безошибочно угадав в нем директора школы. Она отметила про себя отличный покрой пиджака, стильно подобранный галстук – директор иногда касался его нервно подергивающимися пальцами с ухоженными ногтями, – а еще – итальянские ботинки и горький запах дорогого одеколона. Глазами, полными ужаса и муки, директор смотрел на крышу. Ева теперь хорошо разглядела юношу, бегающего там и выкрикивающего свои требования. Слово «фикус» повторялось чаще всего.

– Что ему надо от фикуса? – поинтересовалась Ева.

– Он требует, чтобы я его уволил. Сделайте же что-нибудь, Костя очень нервный мальчик! Он прыгнет, это не простые угрозы, он точно прыгнет! – Директор говорил шепотом, не поворачиваясь.

– А кто это – Фикус? – Ева решила выяснить все до конца.

– Это учитель физики. Да не стойте же столбом, он прыгнет в любой момент! Вы позвонили насчет брезента?

– А вы уволите Фикуса?

– Я ему уже сказал, что уволю всех учителей, только пусть слезет с крыши!

– Может, он не расслышал? Вы говорите погромче, даже я слышу вас с трудом.

Медленно повернувшись, директор уставился на стоявшую позади него женщину. Вероятно, он ожидал увидеть кого-то «при исполнении», в форме, поэтому, рассмотрев Еву, немного растерялся.

...это случилось, когда сентябрь уже повесил сушиться выстиранные медлительными дождями летние рассветы и сумерки...

– Что? – Она округлила глаза. – Я спрашиваю, понял ли вас этот Костя, а если понял, то почему он еще бежит по крыше?

– Он... Фикуса нет в школе, за ним поехали. – Директор заговорил нормальным голосом, и голос этот оказался приятным – низкий тембр, тщательно проговариваемые окончания. – Он требует, чтобы я при всех объявил Фикусу об увольнении. Вы из Службы спасения? Брезент привезли?

– Какой класс? – Ева обошла директора, прикидывая высоту здания. Четыре этажа.

– Одиннадцатый.

– Случайно не «А»?

– «А». Вы не из службы? Вы – родительница?

– Я тут подумала на досуге. Получается немного смешно, потому что мы все и родители и дети одновременно. А что вы думаете по этому поводу? Устраивает ли вас концепция Берна, который все свои психологические изыски основывал именно на сочетании родителя и ребенка в каждом индивидууме?

Директор пошатнулся и закрыл глаза. Поэтому Ева решила не продолжать беседу, а просто попросила подержать ее сумку. Попросила три раза, и только тогда директор, опять пошатнувшись, протянул руки и прижал к себе ее сумку. Ева подошла к зданию настолько близко, чтобы хорошо видеть мальчика на крыше. Он заметил ее, и некоторое время они рассматривали друг друга, и за эти секунды вдруг наступила полная тишина. Замерли ученики, остановились на бегу учителя, санитары бросили мат на землю, у входа в школьный двор двое полицейских сдерживали толпу зевак, и толпа эта тоже затихла.

– Если ты прыгнешь вниз, – Ева говорила медленно и громко, – то не разобьешься. Конечно, тебе может повезти, но только в том случае, если ты ударишься в конце полета головой в асфальт. Тогда – да. Тогда – мозги по округности, рыдающие одноклассники, убитые горем родители и цветочки на этом месте месяца два, пока тебя не забудут. Во всех остальных случаях – гипс после переломов, сотрясение мозга или инвалидная коляска, если повредишь позвоночник. Ты приготовился? Если ты действительно хочешь умереть быстро и без боли, тогда слушай внимательно. Я тебе сейчас расскажу, как ты должен держаться в воздухе, чтобы попасть головой в асфальт. Слушаешь?

– Да! – высоким, сорванным от крика голосом ответил Костя. – Где Фигус?

– Не отвлекайся. Постарайся успокоиться. Посмотри, кстати, не загорает ли моя машина проезд. С левой стороны сзади школы стоит мой «Москвич». Синего цвета.

Костя пропал. Возмущенно заговорили учителя, крикнула чья-то мама из толпы зевак, присели на мат санитары в белых халатах, опомнившийся директор подбежал к Еве и потребовал объяснений.

Показался Костя.

– Нормально! – крикнул он. – Но пожарная машина может и не проехать.

– Зачем нам пожарная? – удивилась Ева, не глядя отстраняя директора рукой подальше. – Ты что-нибудь поджег?

– Нет, – покачал головой Костя через несколько секунд тишины. – Пожарных вызывают, чтобы кого-нибудь снять с высоты.

– Ты хочешь, чтобы тебя сняли пожарники?

– Нет! – закричал мальчик и присел на корточки, так что теперь Еве была видна только его голова. – Я хочу, чтобы уволили Фигуса! А если не уволят – я прыгну!

– Вот и отлично. А то я не поняла, зачем нам пожарная машина. Значит, ты прыгнешь. Мы только что обсуждали, как ты хочешь закончить это свое представление. Мозгами в асфальт или просто повалиться с гипсом месяца два?

Мальчик молчал. За школой послышалась сирена.

– Я сейчас прыгну! – Костя встал и подошел к самому краю.

– Но ты не можешь прыгать, не определившись! – возмутилась Ева.

– Вы с ума сошли, что вы делаете, вы же его подстрекаете! – шипел ей в спину директор, потом закричал: – Кто пустил сюда эту женщину? Уберите посторонних!

Двое полицейских двинулись к ним по двору.

– Я прыгну насмерть, и пусть директора посадят! – заявил Костя с крыши.

– Ну вот и ладненько, – кивнула Ева. – Значит, насмерть. Тогда сначала снимите пиджак.

– Зачем это?

– Чтобы не было парусности. Снимай, снимай.

Пока Костя неуверенно стаскивает пиджак, Ева делает полицейскому знак. Она очерчивает указательным пальцем две окружности в воздухе. Застыв, тот через пару секунд кивает, и они с напарником, не спеша и не оглядываясь, идут к зданию школы.

– Снял? Бросай вниз. И смотри внимательно, как он летит.

Под визг нервных учительниц и учениц пиджак летит на асфальт. Войдя в школу, двое полицейских, перескакивая через ступеньки, несутся по лестнице вверх.

– У нас две минуты, – выдыхает на повороте один.

– А если он оглянется... и прыгнет? – Второй не поспевает и начинает перескакивать через три ступеньки, стуча ботинками.

– Не оглянется. Видел ее? Наверное, психологическая служба МЧС.

– А если оглянется?..

– Заткнись. Сорок две секунды. Стоп, – полицейский останавливает своего напарника. – Пять секунд тебе, чтобы восстановить дыхание.

– Я думаю, что дыхание мы можем восстанавливать еще очень долго. – Полицейский поднялся по лестнице и уперся плечом в чердачную дверь. – Потому что выйти на крышу бесшумно не удастся. Паренек привалил сверху что-то уж очень тяжелое.

На улице Ева интересуется, хорошо ли Костя разглядел, как летел пиджак.

– Ну и что? – не понимает Костя.

– Он перевернулся в воздухе и сместился относительно тебя. Ты, конечно, тяжелей, но тоже не выдержишь сопротивления воздуха. Поэтому я сейчас тебе покажу, как надо будет размахивать руками, чтобы нырнуть вниз головой и в таком положении влететь в асфальт. Не отвлекайся. Сними ботинки.

– Почему – ботинки?

– Потому что в идеале, конечно, прыгать лучше голым, но я не думаю, что ты захочешь раздеться догола.

В толпе учеников послышался нервный хохот. Директор метался между учителями и учениками и уговаривал всех не терять присутствия духа.

– Что ты задумался? Не веришь, что дополнительный груз на ногах может развернуть тебя в воздухе? Снимай. Сколько, по-твоему, они весят?

– Не знаю. – Костя садится на крыше и стаскивает ботинки. – А Фикуса привезут?

– Привезут обязательно. Ну так сколько?

Костя встал и неуверенно поднимает и опускает ботинки в правой руке.

– Приблизительно килограмм, – кричит он и бросает ботинки вниз.

В толпе учеников издевательский крик, потом нервный смех.

– Можешь рассчитать приблизительно, как ботинки на твоих ногах могли бы сместить центр тяжести и развернуть тело в полете?

– обойдетесь! – Костя обиделся за смех.

– Плохо ты, Костя, знаешь физику, – не сдавалась Ева. – Теперь я понимаю, почему ты злой на Фикуса. Снимай галстук.

– А это зачем?

– Он у тебя красный. Мне не нравится красный цвет на бежевой в полоску рубашке.

Санитары на матах закрыли лица ладонями и мелко тряслись. Двое мужчин из учителей отошли, кусая губы, чтобы не вырвался неуместный смех.

– Костя, кончай цирк или раздевайся догола! – закричал кто-то из учеников.

– Ты же слышал, парусность, сопротивление воздуха, смещение центра тяжести! – подхватил другой.

– Мы повесим твои шузы в музей на почетное место!

– Смеетесь, придурки. – Костя не сдержал слез, но ничего не мог поделаться с улыбкой. Она предательски растягивала рот. Чувствуя, что сейчас зайдется в истерическом смехе, он переступил ногами в носках и обратился к Еве: – Кто-то ломится в чердачную дверь. Наверное, ваши коллеги. А вы здесь по службе?

– Нет. Я пришла по делу. Если ты выгонишь Фикуса, никогда не узнаешь, как развернется тело при падении с высоты семнадцати метров и при скорости воздуха не больше двух метров в секунду. Оставь Фикуса в покое. Почему бы тебе не потребовать дополнительных специалистов в школу? Вот я, к примеру. Если ты благополучно спустишься с крыши, могу научить тебя стреляться из пистолета так, чтобы сразу насмерть и не испачкать ковер. Как закрепить веревку, если надумаешь повеситься, как быстро утонуть и правильно вскрыть вены. Спускайся, подружимся. Можешь махнуть рукой на Фикуса и потребовать меня в учителя.

– По физике?

– Нет. По выживанию.

– И что, вы придете к нам в школу?

– Клянусь! Сегодня же оформлю документы! Если благополучно спустишься.

Под радостные вопли учеников Костя подошел к пожарной лестнице и стал медленно спускаться, с трудом отцепляя от перекладин дрожащие руки. Сметая полицейских и кинувшихся к лестнице учителей, ученики сгрудились у высокой лестницы, и Костя, повисший на последней ступеньке, был подхвачен ими за ноги. Его оторвали от лестницы и понесли по двору к дверям школы, вопя и беснуясь. Но тут под вой сирены во двор ворвалась полицейская машина, из нее выбежал взъерошенный толстяк, судорожно поправляющий на лице очки. Ученики бросили Костю и кинулись к машине, подхватили размахивающего руками, упирающегося толстяка и тоже поволокли его к дверям, скандируя: «Фи-кус! Фи-кус!»

...в ожидании собственных переживаний жевать жвачку чужой мечты и прихлебывать пузырчатый искусственный напиток навязанного экраном возбуждения...

Молодая женщина с залитым слезами лицом подняла с асфальта пиджак и ботинки, подошла к Еве и, потрясая ими, пробормотала:

– Так нельзя! Это неправильно! Это возмутительно!

– Елизавета Сергеевна, успокойтесь, голубушка, я разберусь, я этого так не оставлю! – Директор погладил женщину по плечу и гневно заявил Еве: – Вы из какой организации? Я напишу жалобу вашему начальству!

– Странный вы какой-то, – пожалала плечами Ева и попыталась вытащить из-под мышки директора свою сумку. – Отдайте сумку. Все живы, разве не так? И Фикуса не надо увольнять. Чем вы недовольны?

К ним подошли учителя.

– Вы молодец, – пожилой седой историк протянул руку, – психологическая обработка по высшему уровню. Вас этому обучают? Вы не слушайте Елизавету Сергеевну, она дама нервная и портящая учеников своими страхами больше, чем отсутствием художественного вкуса. Я хочу сказать вам спасибо. – Он пожал руку Евы, чуть подумал и накрыл сверху второй рукой. – Спасибо. За ученика и за учителя физики. Это было очень артистично. Спасибо.

– Викентий Павлович, не перегибайте! – не сдавался директор. – Я хочу знать ваше имя и... Документы, пожалуйста. Должен же я знать имя женщины, которая прибавила мне сегодня седых волос!

– Отдайте наконец мою сумку.

– Простите.

– Спасибо. Пройдем в ваш кабинет?

– Зачем это? – напрягся директор.

– Я должна написать заявление, показать свои документы, направление из роно... Что там еще делают при поступлении на работу?

Немая сцена, во время которой у Елизаветы из рук падают ботинки.

– Не хотите же вы сказать... – Директор чуть отходит и разглядывает Еву сверху вниз.

– Bravo! – обрадовался Викентий Павлович.

– Я же обещала только что Косте, что буду у вас работать!

– Не будете вы у меня работать! Этого только не хватало! – заходится от возмущения директор.

– Спорим?

Женщина смотрит на мужчину насмешливо. Она высокая, темноволосая, красивые ноги откровенно открыты – короткая юбка. Длинный пиджак, туфли на высоких каблуках. Лицо загорелое, выступающие скулы, сдерживающие улыбку пухлые губы без намека на помаду. Мужчина теряет и вдруг обнаруживает, что не может выдержать взгляд ее глаз цвета разбавленных чернил. Он отворачивается, раздосадованный, замечает ботинки, выпавшие из рук онемевшей от этих невероятных событий учительницы русского языка и литературы, и вдруг кричит, удивляясь сам себе:

– Елизавета Сергеевна, да унесите вы обувь, в конце концов!

2. Балерина

Ненавидеть можно что угодно и сколь угодно сильно, но Наденька была уверена, что никто не может так ненавидеть музыку в сочетании с ослом и лошадью, как ненавидит она. Услышав партитуру «Дон Кихота», она могла запросто свалиться в импровизированном припадке минут на пять. Иногда это было не совсем искренне, иногда это наигрывалось с талантливым нахлестом истерики, но всегда к горлу комком подкатывала тошнота, всегда – по-настоящему, с сильным слюноотделением, хотя, к примеру, к ослам в зоопарке она отвращения не испытывала, а на лошади могла даже иногда прокатиться.

Стоя с сигаретой у открытых ворот подвального этажа, Наденька с мазохистским вниманием наблюдала отгрузку осла и лошади. Подкатили трап, из фургона кто-то невидимый уговаривал лошадь выйти, а когда показалась флегматичная сонная морда осла с полуопущенными веками и обвисшими ушами, Наденька нервно затушила сигарету о стену.

– Кормили осла? – Она подошла к сопровождающему неслышно, он вздрогнул, и, почувствовав его испуг, дернула поводья старая спокойная лошадь.

– Я дал ему печенье, – сознался сопровождающий, уставившись на Наденьку с некоторым испугом. – Я только перевожу их, ничего про кормление не знаю. Мне никто не говорил. – Он повысил голос.

– Ну и чего уставился? Печенье... – Наденька качнула тремя фиолетово-красными хвостиками волос на макушке. Глаз ее мужчина видеть не мог, потому что они прятались за круглыми черными стеклышками «слепых» очков, но ярко-малиновые губы поджались, демонстрируя достаточное для такого лоха презрение. Наденька раздула ноздри, вдыхая уже знакомый запах стойла, конского пота и чуть приторный – ослиной шкуры в тепле, и от этого вздоха шевельнулась серьга в ее правой ноздре.

Мужчина хотел что-то сказать, но по рельсам подкатили открытый вагончик, переместили трап, и ему надо было отойти, чтобы завести животных в вагончик и поставить поудобней. Оглянувшись, он незаметно сунул одно печенье в напряженные холодные губы осла, а другое – в теплые и мягкие лошади, спрыгнул, протянул администратору театра бумагу на подпись.

...она настолько не замечает себя в себе, что постоянно теряет, и только сильное физическое возбуждение заставляет ее вдруг обнаруживать-СЯ в потном угаре наслаждения и пугаться восторга собственного существования...

Наденька уходила по слабо освещенному коридору подвала с изгибающимися полосками рельсов. На повороте она попала кому-то из рабочих, и слышно было, как человек вскрикнул, а потом ругнулся и сплюнул, упомянув черта.

Перед самым спектаклем она прошла вдоль сцены, проводя ладонью по опущенному занавесу. Этот момент она любила в театре больше всего. Занавес пошел от ее руки волной, словно тяжелая разноцветная вода. Затопал ногами и беззвучно заорал помощник режиссера с пульта сбоку сцены. Наденька показала ему язык, еще раз потрогала тяжелую ткань, успокаивая, приоткрыла, не сразу обнаружив, тонкую щель и глянула в зал.словно из другого измерения, накапывающий ярким свечением люстры, позолотой и красным бархатом, на нее дохнул приглушенным разговором и запахом духов просыпающийся лев – капризное и жестокое животное, требующее развлечений. По приказу помрежа его ассистентка оттащила Наденьку от занавеса, заботливо заправила щель и сурово погрозила сухим искривленным пальцем, но глаза ее смотрели весело.

– Что ж ты, опять сегодня за уборщицу сцены?

Наденька промолчала, кусая губы. Сегодняшний спектакль был внеплановый, сорокапятiletняя Жизель подхватила насморк, потом кашель, «Дон Кихота» поставили третий раз за

месяц. А Наденька соглашалась на уборку сцены, только когда «Дон Кихот» был не чаще двух раз.

– Не злись, может, сегодня у осла случится запор.

– А у лошади понос, да? – повысила голос Наденька, но смеха сдержать не смогла, обняла старую балерину, и они посмеялись вместе, в который раз поражаясь очередности извержения экскрементов: осел и лошадь делали это исключительно по очереди. Никогда – вместе. Но осел – чаще.

На сцену, постукивая пуантами, высыпали балерины. В пачках, с диадемами в подготовленных прическах, они смешно смотрелись, разогреваясь в шерстяных с накатом рейтузах. Прима не разминалась, была уже без рейтуз и, исследовательски уставившись в пол, мерила сцену мелкими шажками. У Наденьки сильней застучало сердце: она не просмотрела доски. Прима подняла два или три гвоздя, нашла в сумраке кулис глазами круглые черные стеклышки очков и, чеканя шаг, пошла жаловаться помрежу. В прошлом месяце балерина во время спектакля оступилась на упавшем после монтировки декораций гвозде. Шум поднялся страшный. Вся режиссерская бригада постановочной части по обслуживанию сцены была уволена. С тех пор уборщик сцены должен был, кроме необходимой уборки, обязательно просматривать сцену перед самым спектаклем. Наденька же предпочла пойти покурить и встретить фургон с лошадью и ослом. Прислушиваясь к потрескиванию в динамике, она ждала злобного шипения помощника режиссера – его пульт находился с той стороны сцены, но все было спокойно.

*...зрелище искусственно до тех пор, пока не зацепит случайно или намеренным уси-
лием таланта краешек вечности, тогда оно – не иллюзия, тогда оно уже замена жизни,
но только для тех счастливых, которые умеют воображать...*

Второй звонок. Балерины и кордебалет уходят со сцены. Деревянный пол напрягается, Наденьке кажется, что, если приложить к нему ладонь, он завибрирует, он волнуется так же, как занавес, который нужно обязательно погладить рукой, успокаивая. Наденька приседает и кладет ладонь на затертые доски. У нее сорок-пятьдесят минут до окончания первого акта, можно пойти в кафе и сладострастно пообжираться пирожными, дразня запасных и свободных до второго акта балетных девочек, затравленных диетой. В темноте Наденька пробирается со сцены по винтовой лестнице вверх и на галерее натывается сначала на шуршащую пачку примы, потом, не в силах мгновенно остановиться, выставляет руку, и пальцы упираются в жесткий накат бисера на ее груди. Прима молча протягивает руку, разжимает ладонь. Наденька сдвигает очки на нос пониже, наклоняет голову и поверх черных стекол разглядывает три искривленных гвоздя на сухой ладошке. Вздыхает, поднимает глаза и видит снизу вздернутую надменно голову, приоткрытый в волнении рот и беспокойные ноздри.

– Чему обязана?

– Сделаешь мне завтра после первого акта, – шепчет балерина и выбрасывает гвозди.

– А что у нас завтра? – Наденька поправляет очки и выпрямляется.

– «Лебединое озеро».

После первого акта, значит, эта шантажистка завтра будет черным лебедем.

– Хорошо. Я завтра по сцене не работаю, приходите ко мне в костюмерную.

Балерина отворачивается и спускается по винтовой лестнице на сцену, накрахмаленный капрон пачки трется о металлические перила. Пирожные есть расхотелось. Поднявшись еще выше, Наденька бродит на верхней галерее, оглядывая сцену. Потом она пробирается в осветительскую кабину и разглядывает зал.

– Чего маешься? – Осветитель предлагает Наденьке яблоко. – Кто сегодня убирает дерьмо? – Дождавшись грустного вздоха, осветитель смеется: – Неужели опять ты?! Ты же помощник костюмера!

– Деньги нужны, – пожимает плечами Наденька. – Помреж уговорил поубирать сцену два месяца. Клялся, что «Дон Кихот» будет всего четыре раза. Я после этих парнокопытных на два

дня впадаю в депрессию, ничего не могу делать, а у меня костюмы на «Ромео и Джульетту» не готовы.

...вы уже поняли, что она суетлива, что она не чувствует и не замечает себя, пока в угаре страсти или испуга не обнаруживает собственное существование в зеркале, и тогда замирает в экстазе, виснет в пространственной ловушке, не в силах определить, кто из них настоящая Наденька – та, что трогает себя, или отражение?..

Занявшись фильтрами, осветитель переговаривается по селектору со своим напарником с другой стороны галереи. Забытая Наденька осматривает зал.

Двое мужчин в строгих черных костюмах, белых рубашках и одинаковых галстуках идут навстречу друг другу по проходу, напряженно глядя в разные стороны. Блондин и брюнет. Они были так восхитительно кинематографичны, так похожи на шпионов из сериала, что Наденька несколько секунд шарила по залу глазами в поисках видеокамер и съемочной группы. Она привстала, не сдержав улыбки, и старалась разглядеть ботинки мужчин. Нет, конечно, если у них еще и ботинки разные, а съемочной группой и не пахнет, то пора заплатить бешеные деньги за полтора часа барокамеры с успокаивающей музыкой и антидепрессивными ароматами. Ботинок не разглядеть. Наденька села, потом опять привстала. Встреча состоялась. Чуть поклонившись, мужчины подали друг другу руки, после чего блондин, осторожно оглянувшись, медленно убрал пожатую руку в карман и застыл на несколько секунд с удивленным лицом.

– Ну, так неинтересно. – Наденька села. – Что, и ни разу никто не выстрелит?

Осветитель задумался и заявил с умным видом, что стреляют в «Онегине», а в «Дон Кихоте» только размахивают копьём.

Блондин остановился у шестого ряда, еще раз медленно осмотрелся и задумчиво достал из нагрудного кармана платок. Он вытер лоб и стал очень грустным.

– Это он дал кому-то знак или заметил слезку и от страха вспотел! – злорадно сообщила Наденька.

– А я не люблю боевики, – откликнулся осветитель. – Я книжки читать люблю. Ну что, Надежда, «Не для меня земля сырая. А для меня твои улыбки...».

Медленно погружая зал в сумрак, от которого затихали все звуки, начал гаснуть свет, и Наденька досадливо прикусила губу и сдернула очки. Блондин дождался, пока пройдут все желающие в шестой ряд, осторожно присел на крайнее кресло, достал правую руку из кармана и взялся за подлокотник снизу.

– Я бы прилепила жвачкой! – возбудилась Наденька.

Осветитель пробормотал, что он, конечно, души в ней не чаёт и всегда рад видеть, но только если она замолчит, когда погасят свет. Уходя, Наденька увидела в почти темном зале, как на место блондина дежурная по залу привела женщину, блондин чуть поклонился, извиняясь, и поднялся на два ряда выше.

– Его зарежут ножом во время увертюры. – Наденька спускалась по лестнице, возбужденная. – Или потрогают за плечо: «Разрешите программку!» – и укол ядом!

Спустившись за кулисы, Наденька успокоилась и погрузилась в антракте она пошла в гардероб и обсудила с Кошелкой последние сплетни. Оказывается, у вечной Жизели совсем не насморк. Оказывается, у нее аборт, и это в сорок пять! И это при отсутствии мужа и совершенно точных сведениях о пристрастии к женщинам! Кошелка доверительно шептала, склонившись к Наденьке, а глазами шарила по гуляющей публике, успевая вставлять в мыльную оперу своих предположений замечания о некоторых нарядях.

– Беременная лесбиянка, что же это такое, прости меня, господи! – шептала сорокапятiletняя Кошелка и механически крестилась.

– Да ерунда это все, – зевнула Наденька, – все они лесбиянками становятся, когда на гастроли ехать надо. А потом идут на аборт, когда начинается сезон. Сейчас следи как следует, сейчас трехдневные «насморки» пойдут один за другим. Разве что примы наши поостерегутся,

боясь перейти в общий состав. – Наденька потянулась и вздохнула, вспомнив предложение на галерее в темноте и сухую ладошку с искривленными гвоздями.

– А как же с этим, как его... с сексуальной ориентацией? – гордо выговорила Кошелка и посмотрела, вздернув голову, на сидящую под стойкой Наденьку.

– Не читай подряд все газеты. – Надежда встала. – Это придумывают журналисты. Сексуальных ориентаций не существует. У тебя кобель какой породы?

– Этот, как его... эрдельтерьер, а что?

– Что... Наскакивает на тебя, когда ему припечет? Диван насилует? А ты говоришь – ориентация!

Стараясь не расхохотаться, Наденька уходит, оставив Кошелку в некотором остолебении. Забывшись, она попадаетея помрежу, быстро закидывает в рот жевательную резинку и в который раз выслушивает, покорно опустив голову и поставив ступни в позицию «номер раз», что во время второго акта в целях предупреждения каких бы то ни было неожиданностей ей строго-настрого предписано находиться за левой кулисой сцены, а не шастать по театру.

– А что толку там находиться? – успеваеет вставить Наденька. – Если животное наложит, я же не выйду во время спектакля с совком и веником?

Помреж, пожевав губами, осмотрел внимательно фиолетово-красные хвостики на ее голове, вздохнул и закончил стандартно – обещанием строгого выговора, если она будет отсутствовать на рабочем месте во время спектакля. Его так раздражала эта противная расхлябанная девчонка, сейчас более всего напоминающая цирковую лошадь, украшенную разноцветными султанчиками, что он замирал внутренностями, сдерживая крик, говорил медленно и бесцветно, стараясь не сорваться, что для его администраторской должности было бы крайне нежелательно.

– Михал Петрович, – Наденька решила и сдернула круглые черные стеклышки с носа, глянув на него чистыми невинными глазами, – может, все-таки решитесь ради эксперимента выпустить меня на сцену с этим треклятым ослом? Я буду стоять в сторонке в костюме крестьянки с метелочкой и совком и на пуантах, а?

– Прекратите эту песню. – Помреж закрыл глаза и покачался с пятки на носок.

– Вам вид мой не нравится? Я платочек надену, закутаюсь, а когда животное покакает, плавно пройду балетным шагом, соберу все в совочек, пока массовка будет меня прикрывать со сцены, и плавно уйду за кулисы. Никто ничего не заметит!

– От звонка до звонка – за кулисой, а при наличии... при наличии на сцене мешающих труппе органических выделений, как только закроется занавес, приступить к немедленной уборке!

Отследив каждое движение уходящего помрежа, Наденька не спеша и тщательно надевает очки.

...в возрастном несоответствии есть и прелесть и досада, но всегда – беспричинная, разделенная плохо уживающимися вместе периодами твоего детства и чьей-то старости, твоей юности и чьей-то восхитительно свободной и всемогущей зрелости, твоей зрелости и возмутительно свободной и всемогущей чужой юности. И-и-и, раз! – твоей старости и отталкивающей хрупкости детства, скорбным осознанием, что кто-то другой прочтет в первый раз эту книгу, увидит эту звезду и узнает ее название. Я всегда представляю себе маленькую девочку, разглядывающую упавший кленовый лист. Ее завораживает плавный переход красок, а меня – сочетание кожи ее ладошки и набрякших, застывших намертво, выступивших кленовых вен, убегающих от черенка в бесконечность неба...

Наденька прислушивается к себе. Наденьке жалко помрежа. Потому что, как только раздался звонок на второй акт, она несется по ступенькам на галерею, а оттуда – в будку осветителя, посмотреть на блондина.

В восьмом ряду блондина нет. Его кресло в красном бархате партера притягивает взгляд, словно пустая куколка улетевшего насекомого. Повертевшись минут десять, Наденька решила предпринять кое-какой поиск.

Сначала она спустилась в гардероб. Кошелка, не вняв ее советам, захлеб читала газету, нацепив очки и шевеля губами. Нет, покачала она головой, не отвлекаясь от газеты, у нее никто в антракте плащ не брал, портфель не забирал. Выдернув газету, Наденька уговаривает Кошелку пройти к другим шести гардеробщицам и спросить у них. Кошелка заинтригована. Наденька обещает все рассказать ей первой. Кошелка возвращается быстро и шепчет, оглядевшись, что ушла пожилая пара с ребенком и старик. А подозрительных пришло четверо, все мужики и все не по билетам, а по пропускам, выписанным у администратора.

– Что это значит? – не понимает Наденька.

Кошелка объясняет, что так приходит госбезопасность или какой-нибудь министр с охраной.

Наденька бежит к туалетам.

...я вообще так романтична, так легкоранима, меня всегда завораживали удачливые люди, не умеющие обижаться или избегающие опасности и невзгод только благодаря своей глупости либо невинному непониманию. Почему считается, что удачлив умный и предприимчивый? Неприятностей чаще всего можно легко избежать, глупо и бездумно подчиняясь интуиции и еще если поменьше насиловать воображение, не стараясь от скуки или отчаяния представить жизнь заведомо невозможной...

В женском – никого. А в мужском из-под закрытой дверцы выглядывают носки черных туфель. Наденька, стараясь не шуметь, становится на коленки и заглядывает в щель под тонкой дверцей. Она видит неподвижные ноги там, где кончаются брючины и появляется полоска носков. Встав и задумавшись, Наденька разглядывает себя в зеркале, потом некоторое время изучает писсуар. Решившись, она входит в соседнюю кабинку, становится ногами на унитаз и заглядывает за перегородку.

...смерть всегда неожиданна и почти всегда банальна...

Блондин смотрит в потолок мертвыми глазами, крупное тело сползло на унитазе, голова запрокинулась, рот приоткрылся. Стоя на цыпочках и задумавшись, Наденька машинально выдувает из жвачки пузырь, а когда он лопается, вздрагивает и чуть не соскальзывает с края унитаза. Очнувшись, она на цыпочках выходит из туалета и несет к входу в партер, скользя по натертому паркету. Пометавшись некоторое время, она прикидывает, какой именно вход ей нужен, приоткрывает дверь, путается в тяжелых плюшевых занавесках. На возмущенно вставшую было со своего места дежурную Наденька машет рукой и прикладывает палец к губам. Женщина узнает ее и укоризненно, как старая балерина недавно, машет пальцем. Наденька идет по проходу, пригнувшись, а потом становится на четвереньки. У шестого ряда она замирает, не в силах отвести взгляд от сцены. Там, сверкая латами, выезжает с копьём наперевес Дон Кихот. На лошади. Рядом с ним едет смешной толстяк на осле. Наденька садится на пол и с замиранием ждет. Массовка приветствует героя, на заднем плане декораций крутятся лопасти мельницы, под торжественные аккорды музыки осел приподнимает хвост и вываливает на сцену свой переваренный завтрак. Наденька стонет. Потом удивленно оглядывается и обнаруживает, что она сидит в зрительном зале у шестого ряда на полу. К крайнему креслу не подбаться, потому что на откидном стуле сидит зритель. Он уже давно с интересом всматривается в ползающую девушку, потом решается и, наклонившись, интересуется, чем может помочь. Наденька просит его поднять ноги, пролезает под ними и быстро шарит рукой под подлокотником кресла. Она нащупывает металлический небольшой предмет, отдирает его, засовывает в нагрудный карман рубашки, извиняется, выползая из-под ног зрителя, быстро объясняет, что потеряла здесь в антракте сережку, а теперь нашла – спасибо большое! – согнувшись, бежит к выходу и, только прислонившись спиной к обратной стороне двери в освещенном коридоре,

достаёт находку и видит, что это изящная зажигалка, по виду золотая, что блондин прилепил ее к поручню жвачкой, которая отлипла вместе с зажигалкой и теперь уродливым белым образованием портит нежное свечение теплого металла.

Вспомнив угрозы помрежа, она несется за кулисы, попадает к нему у самого входа в пыльный сумрак сцены, тяжело дыша, объясняет, что она была на месте, но наблюдать, как осел гадит на святая святых, больше не может, поэтому вышла на пять минут, чтобы с нею не случилось нервного срыва от вида его «органических выделений», и так далее...

– В театре представители органов безопасности, – бесцветно сообщает помреж. – Постарайтесь не вносить хаос в строго отлаженный механизм спектакля, ваше место за сценой, там и находитесь. Не исключено, что они заглянут и за кулисы. Ведите себя прилично, не позорьте коллектив, обслуживающий спектакль. – Он отвернулся, чтобы уйти, потом остановился и добавил с отчаянием в голосе: – Па-а-ажалста!!

Усевшись сбоку сцены на полу возле заранее заготовленного металлического совка с крышкой, Наденька опять достаёт зажигалку, осторожно отковыривает ногтем жвачку и выбрасывает ее в совок. Она рассматривает свою находку более пристально, зажигалка напоминает своими формами контуры женского тела, у включателя она более узкая, чем внизу, у нее есть «талиа», переходящая в полукруглый изгиб «бедер», и «талиа» эта удобно обхватывается ладонью. Поигравшись, Наденька зажигает ее на одну секунду, но этой секунды хватает, чтобы она, обжегшись накатившим страхом, быстро спрятала зажигалку и осмотрелась: на сцене категорически запрещено что-либо зажигать, курить, а за игры со спичками запросто могут уволить без предупреждения. Она усаживается поудобней, прислоняется спиной к колонне и смотрит в луче проходящего сквозь пространство сцены света, как от вращающейся совсем рядом балерины веером разлетаются капли пота, невидимые залу.

С громким топотом со сцены за кулисы вбегает массовка. Несколько шуточек запыхавшись, прерывистыми голосами по поводу кучи ослиного дерьма. Дежурная за кулисами отгоняет балерин подальше, чтобы из передних рядов зала их не было видно, шепотом покрикивает на тех, которые цепляют занавес, и он колышется. Прислушавшись к музыке, Наденька подгадывает время окончания акта и, всячески доказывая свое усердие, держа в одной руке совок, а в другой веник, бежит за закрывающимся занавесом по сцене, навстречу воздушным улетающим за кулисы балеринам.

...если ты замрешь на несколько секунд над этой черной кучкой, если прислушаешься удивленно, я пойму, что ты меня чувствуешь, как чувствую тебя я, я помечтаю невинно, что ты – мой вымысел, что я тебя придумала в назидание собственному самонению, тем самым обманувшись, поддавшись соблазну твоего случайного глупого везения и моего отчаяния...

Наденька, словно очнувшись, обнаруживает себя, задумавшуюся над кучкой ослиных какашек, она быстро открывает совок и зачищает доски сцены, брезгливо отворачивая лицо. Выпрямившись, замечает краем глаза, что за кулисы прошли двое незнакомых мужчин в строгих костюмах. Они разговаривают с помрежем, и тот, разволнованный, что заметно по его беспокойно потираемым рукам, показывает кивком головы на Наденьку. Она отворачивается, прислушиваясь к шуму в зрительном зале за закрытым занавесом. Стуча башмаками, мимо нее пробегают монтировщики с какой-то декорацией. Успокаивая вдруг застучавшее невпопад сердце, Наденька ходит, согнувшись, приготив веник, изображая поиски мусора или затерявшихся гвоздей. Двое в штатском на сцену не идут, они терпеливо ждут, когда у нее кончится припадок профессионального рвения. В какой-то момент, повернувшись к ним спиной, Наденька приседает, выметая из досок затерявшуюся здесь пыль. Она так усердно метет, вглядываясь в пол сцены, что удивленный помреж, привыкший к ее скучающему хамству и вечному отсутствию на рабочем месте, озадаченно всматривается в спину молодой женщины,

но не может заметить, как Наденька дрожащей рукой вытаскивает изо рта жвачку и мнет ее пальцами.

За кулисами ей показывают удостоверение и просят пройти в кабинет помрежа. Наденька хотела было поставить в угол совок и веник, но ей объявили, что это придется взять с собой.

– К вам в кабинет? – спросила она, уставившись на помрежа. Тот неопределенно пожал плечами.

Под удивленный шепот балетной труппы и монтировщиков сцены Надежду провели к лестнице. Она шла гордо, неся перед собой совок с ослиным дерьмом, а под мышкой – веник. В кабинете ее попросили вынуть все из карманов. Потом – распустить два разноцветных хвоста на голове и встряхнуть освобожденными волосами. Потом мужчины, позвонили по сотовому телефону и сели, скучая. Наденька потопталась-потопталась и решила поинтересоваться, чего все ждут. Оказывается, они вызвали для ее тщательного досмотра женщину из своей организации. Поскольку тщательный досмотр женщины может проводить только женщина, вот ее они и ждут.

– А что это такое – тщательный досмотр? – поинтересовалась Наденька.

Ей объяснили, что придется раздеться догола.

– Это я запросто, – объявила Наденька, – чего ждать? Я после второго антракта обычно уезжаю домой. Если не успею на последний автобус, очень на вас обижусь.

Мужчины переглянулись, потом посмотрели на помрежа. Седой помреж покраснел. Ему предложили выйти из кабинета, мужчины поставили стулья поудобней, и Наденька быстро разделась.

– Повернись спиной, – попросил один.

Наденька повернулась.

– Наклониться можешь? – попросил другой.

Наденька наклонилась.

– Одевайся. Ответишь на несколько вопросов.

– Запросто. – Наденьку трясло, но это могло быть и от холода.

Первый вопрос был про зрительный зал. Заходила ли она туда во время спектакля и зачем? Искала серьгу?

Наденьку попросили показать уши. Она показала, и мужчины уставились на нее тяжелыми взглядами.

– А что уши, что уши! – повысила голос Наденька. – Ну, не проколоты. Я серьгу ношу в носу! – Она покачала головой, потрясая серебряной серьгой в ноздре. – И на языке, – Наденька высунула язык и показала еще одну, крошечную, на кончике языка.

– А в пупке у тебя нет серьги, – с бесстрастным лицом заметил мужчина. Наденька внимательно всмотрелась в его глаза, выискивая иронию, и покачала головой.

– Точно. В пупке нет. Я не извращенка какая-нибудь.

Когда она потеряла серьгу? Вероятно, перед спектаклем. Она помогала сворачивать накидки с кресел. Почему пошла искать в темноте и во время спектакля? Потому что в антрактах ей строго-настрого приказано находиться на сцене и убирать ее, если понадобится.

В этом месте разговора мужчины уставились на совок и веник. Один встал, поднял совок с пола и осмотрел его. Открыл крышку и сразу же отвернулся от резкого запаха.

– Что это за дерьмо? – удивился он, закрывая нос рукавом пиджака.

Наденька злорадно объяснила, что это дерьмо искусства.

Тогда второй сдернул со стены яркую афишу. Посыпались на пол кнопки, и под совок легла глянцева «Жар-Птица» с радостной улыбкой балерины Любочки. Совок открыли и потрясли им, высыпая содержимое как раз на детское лицо примы. Карандашом со стола помрежа мужчины разгребли образовавшуюся кучку. Подумали, стоя в молчании над этой кучкой, и, не попрощавшись, удалились.

Наденька, в изнеможении осевшая по стенке на пол, обнаружила, что вспотела. Вбежавший в кабинет помреж нервно интересовался, что «этим» было надо. Наденька попросила разрешения забрать рабочий инструмент и уйти. Ее рабочий вечер закончен. Не дожидаясь ответа, она взяла веник и совок и вышла из кабинета. Опомнившийся помреж выбежал за нею, крича, что на полу нужно все убрать. Медленно повернувшись и выдержав достаточную для глубокого внимания паузу, Наденька заметила, что не убирает в кабинетах. Только на сцене.

Поставив совок в углу за кулисами, Наденька смотрит на него задумчиво, вздыхает и уходит. Забрав свой плащ, она выбегает в прохладный вечер и тут же приглашается в большой серый фургон. Те самые двое, поскучевшие и даже вроде постаревшие, сообщают ей, что их сотрудница прибыла, и Наденьке придется пройти еще один, но более пристальный досмотр. Чтобы уж наверняка. Чтобы не досматривать весь театр с его углами и закоулками. Наденька не спрашивает, что они ищут, и мужчины интересуются, почему не спрашивает. Наденька вздыхает и выдает с ходу несколько версий. Версия первая. У кого-то из зрителей пропало дорогое ювелирное украшение. Она ползала в зале недалеко от этого зрителя или зрительницы, поэтому ее обыскивают. Версия вторая. У кого-то из балетной труппы пропало что-то аналогичное либо деньги.

– Нет, пожалуй, не деньги, – вздыхает Наденька, отследив расширившимися глазами, как «сотрудница» натягивает на правую руку резиновую перчатку и подмигивает ей, готовясь к «более пристальному досмотру».

– И что, – заинтригованы мужчины, – есть и третья версия?

Есть. Например, в память о ее прежних шалостях решено провести обыск на предмет дозы наркотика.

В фургоне светится экран компьютера. По нему мужчины делают запрос и выясняют, что все эти версии – не плод нездорового воображения Наденьки, а результат неприятных столкновений с законом. Да, она проходила по следствию о мелких хищениях в гостиницах и по хранению наркотиков. Срока не имела.

После досмотра, совершенно безрезультатного, мужчины стали еще более грустными, а возмущенная Наденька сказала, что она плохо прочла название организации в их удостоверениях и теперь хочет точно знать...

– Да! Я хочу точно знать, кто именно сегодня ковырялся в моей заднице!!

Тихим проникновенным голосом ей сообщили, что досмотр проводился работниками Федеральной службы внешней разведки.

От такого сообщения Наденька впала в оцепенение, ее потрясли за плечо, сунули в руки плащ и вывели из фургона.

Совершенно обессилев от невероятных приключений, Наденька спала крепким сном, пока ее не разбудил телефонный звонок. Мастер-костюмер сообщил, что она уже опоздала на работу на сорок минут, сколько ей нужно еще, чтобы наконец приехать сюда и заняться плащом Ромео?

Придя в театр, Наденька первым делом прошла на сцену за кулисы, некоторое время слушала репетицию оркестра, заблудившись глазами на покачивающейся где-то далеко вверху, под самым куполом, яркой красной тряпке. Потом очнулась, когда визгливо сорвалась скрипка, открыла совок, засунула туда руку, на ощупь нашла прикрепленную жвачкой зажигалку и отлепила ее от боковой стенки.

...гуляй, душа! Высыпай из водосточных труб бусины вчерашних дождей. Ты убежала по застывшим лужам, разбивая вдребезги утренние зеркала на асфальте, ты – ничья и нигде, как же я понимаю твой полыхнувший под ребрами восторг удачно сыгранной прятки!..

3. Учительница

Дойдя до своего кабинета, директор школы успокоился, собрался с мыслями. Учтиво пропустил Еву Николаевну вперед, предложил ей стул и зажигалку, включил кнопку чайника на маленьком столике у окна, уселся в свое кресло и задумчиво осмотрел женщину. Ева молчала. Зашумел чайник, потом грозно забулькал, клацнул и затих. В кабинет стремительно вошел запыхавшийся молодой человек, кивнул, пометался между стеллажами с папками и чайником, наконец освободился от кипы бумаг под мышкой, налил в чашку кипятка, и Ева вдохнула запах крепкого кофе. Еще через минуту степенно вошла женщина в возрасте, по внешнему виду – классический образец строгой Марьванны, села за стол напротив Евы, тщательно расправила юбку, потрогала очки и уставилась на Еву с пристрастием учительницы, категорически возмущенной поведением ученика.

– Кофе? – спросил директор, глядя на женщин по очереди. – Нет? Тогда приступим к обсуждению некоторых вопросов. Я – директор школы, это мой заместитель по воспитательной работе, Маргарита Францевна, – он кивнул на женщину, та не пошевелилась и глаз от Евы не отвела. – А это – заместитель по хозяйственной части Виктор Скатов.

Молодой человек, стесняясь, шумно привстал и поклонился.

– Ева Николаевна Курганова, отдел внутренних расследований ФСБ, – кивнула Ева.

Директор побледнел, переложил кое-какие бумаги на столе, поправил ручки и карандаши, Маргарита зловеще улыbnулась, Скатов приоткрыл удивленно рот и испуганно уставился на директора.

– В данный момент нахожусь в отпуске. – Ева говорила медленно, отслеживая глазами причудливый парок над кружкой с кофе. – В вашу школу пришла по определенному заданию с целью устроиться на некоторое время охранником. Вы заказывали через ведомственные структуры охранника?

Директор кивнул.

– А что это за определенное задание? – тихо, почти шепотом поинтересовалась Маргарита.

– Охрана объекта и выяснение общей обстановки.

– Ка... какого это объекта? – решил Скатов.

– В вашей школе находится человек, семья которого проходит в службе безопасности по программе охраны свидетелей. За всеми членами семьи установлено постоянное наблюдение.

– Это – ребенок? – с нескрываемым ужасом поинтересовался директор.

– Да. Это ученик вашей школы. Вот почему, наблюдая сегодняшнее шоу старшеклассника на крыше, я подумала, что в должности охранника, конечно, весьма вам пригожусь, но в должности учителя еще больше.

– Чему же вы собираетесь учить? – это, конечно, Маргарита.

– В силу профессиональной специфики я могу преподавать курс основ безопасности жизнедеятельности, ОБЖ. Объясню. Наблюдая сегодняшнее поведение учеников и учителей на улице, я пришла к неутешительному выводу о полной психологической и физической непригодности и взрослых, и детей к суициду и к его предотвращению.

– Вы полагаете, – не сдавалась Маргарита, – что ОБЖ предполагает не только предотвращение, но и подготовку к самоубийствам?

– Я не знаю, что конкретно предполагает школьный курс ОБЖ, но для меня основы безопасности включают в себя полное представление, что именно может угрожать человеку, и разъяснение, как выйти из ситуации угрозы. Это не обязательно разъяснение поведения в момент опасности для жизни. Это может быть полный курс правильного вождения автомобиля, знакомство с оружием, с действием некоторых ядов, с психологическими нормами поведения

при захвате в заложники, а также что надо делать, если окажешься с насильником в лифте, как помочь другу выйти из наркотической комы, как правильно вести себя в компании незнакомых агрессивных людей, что делать в давке на стадионе и так далее.

– Простите, но только знакомства с оружием нам здесь и не хватало. – Маргарита решительно встала, считая разговор оконченным. – Превращать школу в цирковой балаган? А как ходить по канату на высоте, вы не будете учить? Это тоже может пригодиться в жизни. Какой наркотик лучше употреблять, как правильно уколоть вену, да? Я слышала ваше выступление на улице. Вы еще обещали научить правильно топиться и прыгать с крыши, чтобы быстро – и насмерть. Внешне вы – женщина яркая, предлагаете вещи невероятные, если вы вот так же объясните старшекласникам, что собираетесь преподавать, они все залезут на крышу и попрыгают оттуда, лишь бы вас приняли. А мы здесь, представьте себе, просто учим детей. Не готовим бригады захвата или бандитские группировки. Мы учим добру, справедливости и грамотности. Попрошу телефон вашей организации, чтобы убедиться в правдивости информации.

– Кто решает вопрос о приеме кадров на работу? – спросила Ева, доставая из сумки и протягивая директору визитку. Она обращалась к нему: – Вы лично? Или только втроем?

– А я – за! – не дал ответить директору Скатов. – Маргарита Францевна, сейчас такое время...

– Вопросы о приеме на работу решаю я, – перебил его директор.

– Тогда давайте продолжим наш разговор наедине.

Маргарита уходила, фыркнув, Скатов – вывернув голову настолько, чтобы видеть Еву до щелчки закрывающейся двери.

– Не буду терять ваше время, – Ева раскрутила на полировке стола зажигалку *...на обтянутый зеленой тканью стол в костюмерной Наденька осторожно положила другую зажигалку, сама легла головой рядом на подставленную ладонь и смотрела, пытаясь соотнести существование такого красивого предмета и необходимости чьей-то смерти...* – и что-то доказывать. Я прекрасно знаю, насколько не подготовленными к самому факту жизни выходят из школ выпускники. Я также знаю, какой набор необходимых бумаг мне нужно собрать, чтобы их подписали в роно. Учебная разработка моей программы будет составлена лучшим психологом. Я сама имею высшее юридическое образование и опыт работы в экстремальных ситуациях любой сложности. Попробуйте отказаться от такого подарка судьбы!

– А... Вы действительно работаете в Федеральной службе?

Ева протянула удостоверение.

– Нет, я к тому, что удивлен желанием весьма серьезной структуры тратить время своих высокооплачиваемых сотрудников на охрану и работу в школе.

– Это не ваши проблемы.

– А я все равно удивлен. У нас работает представитель дорожной службы полиции. Вождение автомобиля. Правда, только теория и правила безопасности на дорогах. Но чтобы ко мне пришел человек с высшим юридическим и по званию...? – Директор задумчиво выдержал паузу. Ева вздохнула:

– Майор.

– Майор! Это что-то из области фантастики. И что, есть опыт работы с детьми?

– А это, я думаю, мои проблемы.

– Вот тут вы ошибаетесь. Мне сюрпризов не надо.

– Не любите сюрпризы? – Ева села удобнее, закинула ногу на ногу, и директор, сглотив, не смог отвести глаз от показавшейся под натянутой юбкой ажурной резинки чулка. – Опыт работы с детьми? Странно слышать, что вы, по определению – самый осведомленный в школе человек, называете детьми вполне взрослый и даже слегка криминальный контингент. Две девочки из вашего одиннадцатого летом делали аборты. Две подрабатывают у гости-

ниц, еще две шьют на дому, чтобы содержать семью, а одна в свободное время дежурит в хосписе. Перейдем к мальчикам. Один из учеников, потеряв родителей, живет со своей теткой, воспитывая ее двоих детей, и зарабатывает тем, что нейтрализует антиугонные автомобильные системы. Трое задерживались в состоянии алкогольного опьянения. Двое – на стадионе с металлическими предметами и ножами. Один – за наезд на человека. Еще один дважды попал в больницу в наркотической коме. Трое мальчиков – детей, как вы говорите, – подрабатывают по ночам, причем один из них – в морге. Двое потрошат файлы коммерческих фирм, имея над собой бандитскую структуру, и могут потрошить еще год, потому что, если их задержат, им как несовершеннолетним грозит только серьезное порицание – детки, не играйте в хакеров! Минуточку, – Ева остановила побледневшего директора, который хотел что-то сказать, – есть еще троица, которая пару раз удачно угоняла автомобили и даже не очень их разбила, нагулявшись.

– Это... Это все – официально? – после долгой паузы поинтересовался директор.

– Это просто статистика. Не заведено ни одного уголовного дела, вы же знаете. И несколько раз вы сами замяли инциденты.

– Вы неплохо подготовлены к работе с детьми, – невесело улыбнулся директор. – Но отсутствие педагогического образования и опыта...

– Не страшно. Наверстаю интуицией и психологическими опытами. – Ева медленным движением натянула юбку на резинку чулка.

– Понимаю, понимаю... Ваша поза – это своеобразный опыт. И как, позвольте спросить, я прошел этот тест?

– Несмотря на некоторую скованность и нервозность поведения, вы – совершенно нормальная мужская особь, не лишенная задатков правильного самоанализа и профессионального лидерства. Правда, наблюдается излишняя перестраховка при принятии решений, что вполне естественно для руководителя практически женского коллектива. Если я прошла собеседование, разрешите сегодня ознакомиться с одиннадцатым «А» классом, у них как раз четвертый урок пустой, заболела учительница. Завтра обязуюсь предоставить вам полную полугодовую разработку учебной программы.

– Полугодовую? Ах да, вы же здесь временно, на задании... А можно узнать, зачем вы выдали вот так с ходу информацию о себе? Об охране объекта и вообще?..

– Опасаетесь распространения нежелательных сведений?

– Скорей нежелательного ажиотажа вокруг этой охраняемой персоны. Я, конечно, не могу узнать, что это за ученик?

– Точно. Не можете.

– Зачем тогда в присутствии Маргариты и...

– Я никогда ничего не делаю просто так.

Ева встала. Директор, задумчиво разглядывая ее, дошел до насмешливых синих глаз под челкой темных волос и тоже поспешно встал.

– Понимаю. Вы заинтересованы в распространении информации.

– Так точно. Заинтересована.

Провожая женщину до дверей, директор неуверенно предложил Еве добавить к своему эксперименту в проведении курса обучения еще один класс.

– Возьмите и одиннадцатый «Б», чтобы учебная загрузка была нормальной.

– Нет. Спасибо. С загрузкой у меня все в порядке. Примите, пожалуйста, к сведению, что я попытаюсь проводить со всеми желающими подростками из этого класса и максимум своего свободного времени. Двадцати пяти человек вполне достаточно. Я могу сказать им, что принята на работу?

Директор развел руками.

– Меня зовут Ева Николаевна. – Женщина кивнула и закрыла за собой дверь.

Послonyaвшись по кабинету, он решил и набрал номер телефона. Память у директора была отличная, он и отдел, где работает эта женщина, тоже запомнил с первого раза. Ждать пришлось минуты три. Дважды переспрашивали название учреждения и его имя. Когда наконец соединили, директор удивился тонкому нежному голосу в трубке.

– Оставьте, пожалуйста, вашу информацию и номер контактного телефона. После анализа информации вам позвонят. Если не затруднит, объясните, откуда у вас этот телефон?

– Э... Сотрудница вашего ведомства пришла устраиваться ко мне на работу.

– Чем можем помочь? – Девушка на том конце была сама любезность.

– Я, собственно, хотел бы получить информацию... Да, – нашелся директор, – я бы хотел получить информацию с прежнего места работы Кургановой Евы Николаевны, как это и полагается. Послужной список, профессиональный рост, характеристику.

Его попросили назвать номер факса.

Потрогав чайник, директор неуверенно нажал кнопочку, потом выключил. Попробовал просматривать учебные планы, обнаружил, что не понимает ни слова. Перелопатил папки на столе, остановился на тарификационной сетке, прикидывая, куда поставить старую учительницу ОБЖ из одиннадцатого «А», чтобы не исправлять ее количество часов. Встал, открыл дверь кабинета.

– Что еще? – спросил он обеспокоенно у девушки-секретаря.

Та как раз шла к нему с безумным лицом и вытаращенными глазами.

– Вот, пришло только что. Ничего не понимаю. «На ваш запрос...»

Директор выдернул у нее из рук лист бумаги и стал читать.

Ни грифов, ни названия организации не было. «На ваш запрос сообщаем, что Курганова Ева Николаевна, офицер службы безопасности, разведена...»

Нащупав первый же попавшийся стул, директор сел и перечитал еще раз бумагу. Тоскливо посмотрел в окно. Там всюду светило сентябрьское солнце. Он думал – ну почему он? Почему в его школе вечно проводят олимпиады и тестовые уроки? Почему именно учитель физкультуры его школы сочинил какой-то немыслимый проект физкультурного образования, и теперь школе грозит строительство бассейна и кортов, а это – полная разруха года на два. Почему «Макдоналдс» выбрал именно его ничем не примечательную среднюю школу и объявил, что они выиграли конкурс по сочинениям об Америке, и теперь дети будут питаться по четвергам исключительно гамбургерами и кока-колой, а самые сытые потом будут сразу давать рекламные интервью в кинокамеру. Теперь четверг – травмоопасный день в школе, а пятница – день вставки стекол, мелкого ремонта мебели и столового помещения. Каким же несчастным директором надо быть, какими неисповедимыми должны быть дороги судьбы, чтобы занесло в его школу учительницу – «профессионального снайпера, начавшего свою карьеру следователем в органах внутренних дел». Она «считается в Службе лучшим аналитиком, отличается неординарными решениями проблем, предпочитает работать самостоятельно». Самостоятельно, потому что ко всему прочему «Е. Н. Курганова трудно уживается в коллективе, ответственна, требовательна к себе и к сослуживцам. Невыполненных заданий не имеет». И что уж совсем добило директора: «Имеет троих детей».

– Нет! – твердо отчеканил директор и шлепнул бумагой по столу. – В конце концов, кто в школе хозяин?!

– Вам звонят из роно. – Испуганная секретарша протянула трубку своего телефона.

Вежливый голос начальника роно поставил директора в известность, что в его школе в целях эксперимента офицер ФСБ будет проводить уроки ОБЖ, знакомить учеников старшего класса с поведенческими нормами в экстремальных ситуациях и пропагандировать патриотическое отношение к работникам правоохранительных структур. В учебный курс включены также – знакомство с основами юриспруденции и изучение современного боевого оружия. Для нагляд-

ности и контроля на уроках офицера будут иногда присутствовать приглашенные для этого представители Министерства образования и учителя других школ.

– Валидолу мне, – прорычал директор.

– Вас в комнате отдыха ждет участковый, – шепотом напомнила секретарша, осторожно укладывая трубку на телефон.

– Уволюсь! С завтрашнего же дня уволюсь. Что ему надо?

– Сначала приехала бригада из полиции, ну, когда наш мальчик залез на крышу. А потом сказали, пусть с этим участковый разбирается. Вы разговаривали, я его отвела в комнату отдыха.

Директор, пошатываясь, шел по коридору, отмахиваясь от налетающих с вопросами учеников: началась перемена. Подошвами башмаков он чувствовал, как вибрирует школа – все здание, оно, как живой и еще не совсем отлаженный механизм, гудит одной тысячью ста пятьюдесятью сердцами, дышит закаленными летним дыханием легкими. Но себя сейчас в этом шуме директор совершенно потерял. Открыл дверь, набрал воздуха и замер. На стуле у стены спал, уронив на пол с запрокинувшейся головы фуражку, молоденький паренек в полицейской форме. Двумя руками он прижимал к груди папку с заготовленным листком. И надпись на этом листке «Протокол», и валяющаяся фуражка, и капли пота над верхней губой рыжего паренька...

– Ну ладно, – шепотом сказал сам себе директор, поднял фуражку и уложил ее на колени участковому, – ладно-ладно, когда-нибудь и этот день кончится!

– Почему же учительницей? – удивленно спросил полковник К*!*у*!*шмар. – Вы же были направлены охранником на три дня в неделю?

– Так получилось, – вздохнула Ева. – Сама не знаю, что на меня нашло. Я приехала в школу, а там – по полной: полиция, «Скорая». Так все знакомо, так привычно. Знаете, как возле борделя в пять утра, когда обнаружат остывшего клиента.

– Преступление? В школе?

– Нет. Ученик залез на крышу и грозился прыгнуть. – Ева вздохнула и добавила: – Это был наш объект.

Кошмар посмотрел на Еву без удивления, только глаза сонно полуприкрылись веками.

– Ладно, допустим, это натолкнуло вас на мысль приблизиться к объекту поближе, так сказать. Но зачем было с ходу выдавать директору школы место вашей работы?

– Случай. Он пригласил меня в кабинет. Туда пришла женщина, которая меня знает.

Они помолчали. Кошмар разворочил носком ботинка кучку листьев, прошелся туда-сюда возле лавочки, на которой сидела Ева.

– Это все неприятности или еще будут?

– Есть еще. Это не просто случайная знакомая, проходящая по давнишнему делу. Это ясновидящая.

– Ясновидящая?

– Она значится в картотеке ФСБ, а год назад предложила свои услуги по поиску наших пропавших агентов. Помните ее?

Кошмар вспомнил. Эту женщину им предложили в отделе аномальных явлений. Экстрасенсов под наблюдением у них было десятка два, но практиковали постоянно несколько человек, и эта ясновидящая в том числе. За информацию о телах пропавших в Таджикистане агентов она запросила такую сумму, что Кошмар несколько дней проверял, не имеет ли она отношения к международным террористическим группировкам. Но ясновидящая оказалась скромной учительницей. В Таджикистан лететь с ней вызвалась Курганова, и Кошмар заподозрил у железной красавицы сильные угрызения совести: за две недели до исчезновения агентов

она отказалась войти в их группу и выполняла задание одна. Кстати, успешно, чего не скажешь о двух профессионалах, которые тоже упростили Кошмара не навязывать им женщину.

– Она нашла тела, – сказал Кошмар, проследив глазами, как далеко на лужайке парка близнецы Кургановой бегают за большой собакой.

– Нашла, – вздохнула Ева. – Она чокнутая. Все время говорила только о смерти. Что есть в жизни интересного? Смерть. Ради чего люди живут на свете? Ради смерти. Что в начале всего? Смерть – после смерти рождается все. Что в конце? Смерть, смерть, смерть!

– Но она же нашла тела. Ее проверяли на сопричастность. Ничего.

– Да, и не просто нашла, а описала подробно, как мужчины умерли. Это было в ее шоу основным. Она корчилась на земле и закатывала глаза, уверяя меня, что чувствует в этот момент их конец, что смерть от медленной потери крови безболезненна и фантастична определенными видениями, что ради этих видений она и потащилась в такую даль.

– Это не помешало ей получить вознаграждение сполна. А по результатам анатомического обследования останков выяснилось, что они действительно умерли от потери крови.

– Это я могла предсказать и без показательных выступлений и вознаграждения. Их тела были найдены на территории Кровника. Вы хорошо помните эту дамочку?

– Невысокая флегматичная брюнетка лет тридцати.

– Браво, – вздохнула Ева. – Вы бы не узнали ее сейчас. Строгая учительница с надменностью авторитарного маразма в осанке и манере разговаривать. А на носу у нее очки с обычными стеклами.

– И все-таки, сразу про Службу... Это, мне кажется, было необдуманно.

– Она меня узнала. Зачем было усугублять и без того нервную обстановку враньем?

– Узнала, не узнала. Она давала подписку о неразглашении любых контактов во время «оказания информационной помощи Службе». – Кошмар укоризненно покачал головой.

– Я ее прекрасно помню. Эта женщина с ходу пойдет на шантаж, как только почувствует, что кто-то что-то скрывает. Может, хватит нотаций? – Ева встала.

– А что там с мальчиком? Какое первое впечатление?

– Пока воздержусь. – Теперь Ева раскидывала кучу листьев ногой. – Я его видела только на крыше, из школы он после этого ушел, и, хотя одноклассники высказали довольно много замечаний в его отсутствие, ничего для себя я еще не определила. Трудный объект, это да. Либо капризный и избалованный, либо одинокий и страдающий, но трудный, это точно.

– Завтра с утра прошу в мой кабинет на обсуждение полученной информации.

– Я должна быть в школе к восьми, – неуверенно заметила Ева.

– Значит, у меня – к шести.

Кошмар уходил, не попрощавшись. Издалека было заметно, что он чуть прихрамывает, Ева, задумавшись, смотрела ему след, пока

...черный силуэт не превратился в пятно на обоях из желтых и красных листьев. О, эти комнаты сентября, с холодными рассветами и первым ледком, эти комнаты осени, в которые она завлекает тебя красками, а прогоняет холодом, где все гостиные и спальни непредсказуемы, а все кухни – одинаковы, на всех плитах варится варенье и сушатся тыквы, заталкиваются в банки помидоры и вешаются связки лука. Неубедительно называть это жизнью, потому что сейчас все мы – только удачные или неудачные фантазии осени...

Две женщины и четверо детей в четырехкомнатной квартире. Сначала детей делили по комнатам: сын Далилы Кеша и старший приемный сын Евы Илия – в одной комнате, а четырехлетние близнецы – в другой. По комнате «мамам». Когда Еве или Далиле требовалось место для проведения личных встреч, они пользовались квартирой Далилы. Со временем Кеша, а за ним и Илия перебрались в самую большую комнату, к близнецам, по очереди рассказывая им

на ночь сказки и дежуря во время болезни. Сделали они это спонтанно, ничего не обсуждая с женщинами. В одну особенно напряженную ночь, когда Илию не было, а маленькая Ива заходила в жестоком кашле, Кеша спокойно, по-мужски закрыл собой дверь и не дал Еве войти. Он совершенно серьезно объяснил свое поведение: «Ты всегда должна быть добра, весела и готова к подвигам, – втолковывал он Еве, потерявшей от возмущения дар речи. – А как ты будешь готова, если не выпишься? И потом, знаешь, что я понял? Хоть ты и выдержанней мамы, но тоже особа нервная. А в экстремальных ситуациях требуется спокойствие и расчетливый мужской ум. Врача я вызвал, температура тридцать восемь и две, но она уже откашливается. Можешь войти, только не хватай ее на руки и – улыбайся! А тебя я не пушу точно! – Это матери, Далиле. – Ведь заревешь, как всегда». Через две ночи он растолкал мать, пробормотал: «Можешь подежурить вместо меня, так и быть...» – и свалился поперек кровати. Далила тихо стукнула в дверь Евы, вдвоем они осмотрели чисто убранную комнату близнецов, быстро взяли на руки – Далила горевшую огнем Иву, а Ева стойко не спящего Сережу – и до рассвета сидели у окна, прислушиваясь к дыханию задремавших на руках детей. Далила вытирала слезы, Ева чуть слышно пела, вдыхая запах Сережиных волос, пока тихонько, установленный на минимум, не тренькнул телефон.

– Все будет хорошо, – сказал в трубку Илия, не здороваясь и ничего не спрашивая. – Завтра она заснет, вспотеет и начнет выздоравливать. Не плачь!

– Это Далила плачет, а я пою, – Ева улыбнулась. – Вот, даже улыбаюсь. Как там Италия?

– Мокнет.

– Нашел книгу?

– Нет еще.

– Сколько библиотек осталось?

– Две. И две в Генуе. Вы мне там Кешку нотациями не испортите, мамочки. Не подточите излишней нежностью его мужской максимализм.

Ева только вздохнула.

– Сколько ему лет? – спросила она за завтраком Далилу. Далила задумалась.

– Мне скоро двенадцать! – объявил с полным ртом Иннокентий.

– Это я слышу уже второй год, – Ева покачала головой, – не бери пример с Илию. Как ни спросишь, все ему «около пятнадцати», видишь, к чему это привело?

– К чему? – Кеша подвинул чашку, Далила, очнувшись, налила кипятка и в полной прострации наблюдала, как сын сыплет – ложку за ложкой – порошок из банки.

– А у тебя... – начала она, не выдержав, но Кеша перебил:

– Ничего у меня не склеится, а ты обещала Илию не делать мне замечаний!

– Это привело к тому, – Ева просто отодвинула банку с какао подальше, Кеша посмотрел укоризненно, – что уже пять или шесть лет ему все пятнадцать и пятнадцать. У других мальчиков уже выросли бороды и усы, а он так и застрял в своем пятнадцатилетии.

– Это все очень просто, – скучным голосом объяснил Кеша. – Другие жизнь прожигают, а Илия созерцает. Он созерцатель.

– Кто он? – Далила удержалась от зевка и, тараща глаза, разглядывала сына с изумлением.

– Созерцатель. Я тоже буду созерцателем.

– А... – начала Далила.

– Если получится, – успел предупредить ее вопрос Кеша. – Это трудно. Это практически невозможно. То, что для других людей – жизнь от детства до старости, для созерцателя – только короткий миг. Созерцатель не тратит нервы по пустякам, он наблюдает, а не вмешивается!

– Яблоко или банан? – спросила Ева.

– Яблоко. Вымыла? – Кеша пихнул яблоко в рюкзак. – Литературу я сегодня прогуляю, – объявил он с серьезным видом. – Поеду за бронхолитином в центральную аптеку, а там перерыв с часу, надо успеть до перерыва.

Ева молча стукнула по столу бутылочкой бронхолитина.

– Я вчера совещание прогуляла, – сообщила она загрузившему Кеше, – так что, уж будь добр, посети литературу.

– Так, да? А ведь я должен все время жить под давлением ответственности, чтобы закалять в себе мужественность и выносливость созерцателя!

– Вот и подойди к этому ответственно. – Ева подтолкнула его к двери. – Мужественно объясни учительнице перед уроком, почему ты не выучил домашнее задание, пообещай к следующему разу все подготовить и с минимумом подвижности и максимумом интереса на лице высиди урок. Это и будет самое большое давление ответственности на сегодня.

– А ты что молчишь и не заступаешься? – с обидой в голосе спросил он у Далилы, выглянув уже одетым из коридора.

– Я? Я созерца-а-аю... – зевнула Далила.

В обед полковнику Кошмару позвонили из Управления внешней разведки. Кошмар от встреч с коллегами по службе из других структур увивал как мог, но в этот раз ему просто, без вопросов и вступительного трепа, назвали место и время.

– Я приеду со своим сотрудником. – Кошмар отложил нож, которым он чистил яблоко.

– А нельзя без баб? Знаем мы твоего сотрудника.

Некоторое время Кошмар обдумывал, идти на встречу или проигнорировать ее и дожидаться приказа явиться на совещание к начальнику Службы, как это обычно случалось при нестыковке в действиях или конфликтах между подразделениями. Разгрызая яблочное семечко, Кошмар почувствовал во рту запах коры молодого деревца и решил, что на встречу пойдет, и пойдет с Кургановой. Он всегда с удовольствием слушал, как задорно она обороняется, ее здоровый женский экстремизм в подобных ситуациях часто гасил конфликты, направляя мысли мужчин-собеседников совсем в другое русло. Чтобы пойти на встречу, Курганову надо было подготовить. Кошмар вздохнул, предчувствуя трудный разговор, но делать было нечего.

Встретились на «выгуле детей». В этот день моросило, Ева и Кошмар сидели в полуразрушенной беседке в парке, а близнецы обследовали сломанную карусель неподалеку. Дул ветер, катая брошенный пластмассовый стаканчик на деревянном столе. Ева не хотела ни во что вникать. Она в отпуске «по уходу», она согласилась пойти в школу из-за мальчика Кости. Нет, она, конечно, понимает, что дело не только в программе охраны свидетелей, если бы дело было в этом, семью Кости просто бы отселили в безопасное и удобное для охраны место.

– А что вы предполагаете? – Кошмар в который раз поразился ее интуиции и чутью. Он действительно предложил ей выйти временно на работу, объясняя это необходимостью наблюдения за подростком в школе и установления круга его близких друзей.

– Я предполагаю, что Костю надо не столько охранять, сколько следить за его окружением либо ждать, не выйдет ли кто на контакт с ним. Но вникать во что-то по собственной инициативе не хочу, хватит с меня профессионального рвения, которое потом кончается выговором или отпуском без содержания, – вздохнула Ева.

– Можете не вникать, я все равно объясню. Потому что обстоятельства изменились.

– Ох уж эти непредвиденные обстоятельства! Я хочу предупредить. Если вы в затруднении и хотите втянуть меня в полное расследование, тогда начните с приказа о моем участии в этом расследовании.

– Завтра я с вами иду на встречу с разведкой. Неужели вы думаете, что я бы пошел без приказа на вас?

– И у меня будет полное право действовать по собственному усмотрению в затруднительной ситуации?

– Полное, – сдержал улыбку Кошмар.

– Давайте ваши непредвиденные, – с облегчением согласилась Ева.

– Пять месяцев назад Службой безопасности задержан американец Коуп за шпионаж. Перебивайте меня, если чего не поймете. Задержали его, по сути, случайно. Повезло. А повезло так. Научный сотрудник лаборатории одного закрытого института Академии наук, человек весьма в возрасте, а потому категорический патриот, сам обратился в Службу. Коуп интересовался новейшими разработками подводных и надводных торпед, я в тонкости именно разработок не вникал, но разведка наша внешняя обрадовалась. Быстро сварганила дело, что они якобы следили за Коупом давно, как только тот ушел из военной разведки в науку, описали, как вышли на него и уговорили нашего доктора наук сотрудничать, короче, подали полную развертку своей напряженной и опасной работы года этак за полтора.

– Не поняла, – перебила Ева. – Зачем это было варганить?

– За повышение в звании.

– Поняла.

– Хорошо. Доктор наук в какой-то момент их проверок не выдержал и сунулся в другую структуру, как бы он не понимает, почему его сначала два месяца отфутболивали, потом таскали через день то на детектор лжи, то на какие-то очные ставки. А ему, категорическому патриоту, приходилось в ожидании конкретных решений и приказов действовать на свой страх и риск: брать деньги у американца и всячески поддерживать отношения. Начальство, не долго разбираясь, отправило его жалобу в отдел внутренних расследований, то есть к нам.

– Скучно, – заметила Ева. – И доктор этот странный, может, он подал всю эту информацию продуманно, когда почувствовал, что засветился? Деньги-то брал.

– Пока было скучно, я вас не приглашал. Я это дело через два часа счел решенным. Написал докладную о волоките в структурах внешней разведки. Они, конечно, на мою докладную плевали, операцию свою разрабатывали и вели ее к запланированному концу. Доктору наук велели подготовиться к встрече. Описали подробно, что он должен делать, и намекнули, что данные для передачи будут специально подготовлены, так что ему ни о чем не надо беспокоиться. Коупу решено было подsunуть заранее подготовленную ложную информацию, не ставя в известность об этом профессора. Оформлена эта информация была на микропленке, но не настолько «микро», чтобы Коуп, почувствовав опасность, мог ее мгновенно и незаметно уничтожить.

– Скатали пленку рулончиком и засунули в авторучку? – предположила Ева.

– В зажигалку. Еще были две дискеты по общим данным.

– Все еще скучно.

– Не надо меня торопить. Работа наша рутинная и по самой сути своей скучна и грустна. Коупа арестовывают с поличным, то есть с пленкой в зажигалке. Все счастливы и веселы, пока случайно перед уничтожением пленки не просмотрели ее. Тут всю группу разведки прошиб пот, потому как никакой липы на пленке не было, а была полнейшая и точнейшая разработка торпеды.

– Неужели доктор так пошутил? – повеселела Ева.

– Уже не скучно?

– Ладно, не тяните!

– Меня не привлекали к расследованию инцидентов операции, пока официально не объявили об аресте Коупа. Доктора тоже задержали, что закончилось для него тяжелейшим инфарктом. Показания он до сих пор дать не может. Наш отдел отслеживает семейные связи. Вы пошли в школу, потому что на адрес внука профессора по Интернету стала приходить информация для деда. По этой информации американцы все еще пытаются продолжить сотрудничество с профессором или его командой. Разведка роет носом вокруг всех возможных контактов доктора, но находится в полной растерянности и потому по инерции продолжает уже три месяца ходить на «Дон Кихота».

– Куда? – не поняла Ева.

Для полуофициальных встреч Кошмар предпочитал так называемые явочные квартиры. От проверки на прослушку он отказался – пусть разведка беспокоится, ему скрывать нечего. Еву усадил так, чтобы на нее падал свет, сам сел к лампе спиной. Трое мужчин, потоптавшись в коридоре, разместились по комнате, как тут же определила для себя Ева, «с обреченной предсказуемостью». Самый молодой, застенчивый и полноватый брюнет, дольше всех тыркался со своим стулом.

Представившись, мужчины, по очереди продолжая рассказ, коротко описали условия проведения ареста американца в гостинице «Саяны» и изъятия у него дискеты и пленки. Пленка оказалась не той, которую заготовили для показательного ареста. Когда старик Дедов попал после допросов в больницу, на интернетовский адрес его внука пришло сообщение о продолжении контактов. Указывалось место этих контактов, поведение участников и условные отличительные атрибуты в одежде передающих пленку и получающих ее агентов. Когда дело дошло до отличительных атрибутов одежды секретных агентов, а также вынужденного приобщения к высокому искусству, Ева расхохоталась, естественно и самозабвенно. Смеялась она одна. Кошмар не смеялся, потому что почти все об условиях дальнейших контактов с курьером Коупа уже знал.

– Ничего смешного тут нет, – с угрозой в голосе заявил старший из трех офицеров. – С музыкой, правда, у ребят начались проблемы. Говорят, не можем больше слушать эту увертюру. Вы, Ева Николаевна, хоть и женщина, а должны понимать службу.

– Извините, я сейчас, я не специально. – Ева вытирала слезы, выступившие у нее от хохота.

– Ничего, извиняем, – ласково заметил очень худой. – Будете дальше веселиться или выслушаете доклад непосредственного участника событий?

Непосредственный участник событий – слегка испуганный молодой брюнет – тут же вскочил со стула и представился по всей форме.

– Я, пожалуй, сначала хочу выслушать предысторию поподробней, – задумчиво предложила Ева. – А уже потом доклад непосредственного участника событий.

– Разве полковник Кошмар не ввел вас в курс дела?

– Ввел. Но в какой-то момент нашего разговора его изложение мне показалось слегка... гротескным.

– Вот только этих словечек не надо, а? Мы все тут люди, отягченные высшим образованием. – Худой подумал, чуть растянул рот в улыбке и добавил: – А теперь еще и искусством.

Старший офицер вкратце описал предысторию. Разведка обнаружила настоящую пленку. Допросили профессора, отделом было проведено собственное расследование, которое ни к чему не привело. Старик заведовал научной лабораторией по ракетным двигателям и преподавал в Бауманском. Круг людей, с которыми он мог обсудить эту проблему, настолько велик, что всех сотрудников службы не хватит, чтобы вычислить насмешника.

– Насмешника? – удивилась Ева.

– Мы так назвали условный объект, который мог подменить подложную пленку настоящей. Профессор этого не делал, это понятно, хотя ему в какой-то момент показалось, что мы не очень торопимся, что мы...

– Что вы разгильдяйствуете, – подсказал Кошмар.

– Это не совсем то словечко, – начал было худой, но Кошмар перебил:

– Именно это слово доктор наук и употребил, когда описывал в своем заявлении на имя начальника ФСБ вашу неторопливость. Он сказал, что вы разгильдяйствуете, вместо того чтобы землю рыть на благо Родины. А все-таки мог ли профессор, зная, что предстоит захват

шпиона и информация все равно к противнику не попадет, подменить вашу липовую пленку пленкой с подлинными чертежами?

– Не мог, – категорично заявил худой.

– Почему не мог? – Кошмар уставился на него полузакрытыми глазами.

– Не мог, и все! – настаивал худой.

– Ребята, – решила внести ясность Ева, – давайте без особой секретности. Это же вы пришли за помощью к нам.

– Ладно. Потому что старик вообще не знал, что мы подменили информацию. Он сказал, что Коуп подарил ему зажигалку, отдал нам эту зажигалку, а через день мы ее вернули уже с заготовленной пленкой и сказали, чтобы он ни о чем не думал, а просто отдал ее при контакте.

После продолжительного молчания Кошмар, не щадя офицеров разведки, небрежно заметил, что напутать что-то запросто могли они сами при подготовке пленки.

– Не могли, – с настойчивостью заевшей пластинки настаивал худой. Посмотрев на поскучевшие лица Евы и Кошмара, отчаянно выдал: – Подложную пленку готовили не мы, а спецы по военному оружию. Отдел разведки только курировал операцию.

– Минуточку, – оживился Кошмар. – В этом деле задействована военная разведка?

– Вот говорил же я, что ты все напутаешь! – вступил в разговор старший офицер. – Начни сначала и по порядку!

– А пусть меня не сбивают все время!

Начал он с момента задержания Коупа. Потом Ева с большим удовольствием и Кошмар, морщась, как от зубной боли, еще раз выслушали рассказ о необходимости посещать все постановки одного спектакля в предусмотренной паролем одежде. По условиям, предложенным американским шпионом, информацию надо было передавать в театре оперы и балета, и конкретно на спектакле «Дон Кихот». Идет этот спектакль не то чтобы часто, но пару раз в месяц всегда бывает...

– В этом месяце третий раз! – не выдержал брюнет.

В случае неявки на спектакль Коупа либо самого доктора был предусмотрен запасной вариант, когда приходит человек от того либо от другого, и этот человек должен быть определенным образом одет. Строгий черный костюм, обязательно белая рубашка и красный галстук с золотым серпом и молотом. В этом месте мужчины замолчали на некоторое время, дожидаясь, пока Ева Николаевна справится с накотившим смехом. Чтобы как-то прояснить обстановку с пленкой, оказавшейся с подлинными материалами, после ареста Коупа и инфаркта доктора решено было некоторое время посылать на каждый спектакль человека, одетого описанным ранее образом. Кроме этого конкретного человека в костюме и коммунистическом галстуке, два сотрудника должны были находиться для наблюдения в зале и еще один в фойе.

– А дальше, – кивнул худой, – доклад продолжит непосредственный участник событий.

– Это я был в костюме с галстуком, – торопливо вступил брюнет. – Я четвертый раз прихожу, и сопровождающая меня тройка тоже. Как нам заранее сообщил доктор, встреча происходит только в антрактах либо перед спектаклем. И в этот раз, позавчера, иду я на свое место после второго звонка, у меня, как полагается, в кармане та самая зажигалка, а в зажигалке, понятное дело, заправлена слегка подработанная пленочка. Иду я себе, и вдруг мне навстречу... – брюнет сглотнул и вытер быстрым движением ладони пот с виска, – мне навстречу идет ну точно такой же, как я, тоже в черном костюме, в белой рубашке и красном галстуке, но блондин! Я, конечно, тут немного растерялся, но зажигалку по инерции из кармана взял и протянул ему руку для пожатия. Он, надо сказать, на меня уставился тоже с некоторой оторопью, потрогал свой галстук, протянул руку, а когда я ему сунул зажигалку – вот сдохнуть мне на этом месте! – удивился. Я так в отчете и написал, что он удивился. Удивленный такой, пометался немного, сел на шестой ряд с краю и задумчиво сидел, пока не погас свет и его не попросили освободить место. Я дал наблюдателям знак, те с максимумом осторожности и

минимумом присутствия должны были следить за блондином, что они и делали весь первый акт до чертиков в глазах. Перед самым антрактом я снял галстук, мы довели объект до туалета, посетили с ним место общего пользования и по четыре минуты каждый помыли руки, а он все из кабинки не выходит. Прозвенел звонок на второй акт. С одной стороны, у нас приказ его вести как можно дольше, чтобы связи определить. С другой стороны, не выходит же! Короче, дождались мы начала акта, вошли в туалет, а блондин уже застрелен на унитазе неизвестным и совершенно не замеченным нами объектом. Дальше события развивались так. Я остался в туалете. Мои коллеги доложили немедленно по телефону о чрезвычайном происшествии и распостранились по зданию, проводя беглый осмотр. Спустя четыре с половиной минуты в туалет вошла молодая женщина. Я залез ногами на унитаз в последней кабинке и присел. Она кого-то искала, увидела ноги блондина, зашла в соседнюю кабинку и посмотрела сверху. Быстро выбежала. Как показало наблюдение, она напрямик отправилась в зал, в темноте проползла на четвереньках к крайнему креслу шестого ряда, ползала на полу, потом вышла из зрительного зала и проследовала на свое место работы – за кулисы сцены.

– Как вела себя эта женщина в туалете? – спросила Ева. – Когда увидела труп на унитазе?

– Она выдула пузырь из жвачки, и он лопнул. Ни визга, ни крика не было. А может, – предположил брюнет после некоторого раздумья, – она инфантильная?

Ева вскинула на него удивленные глаза. Брюнет покраснел.

– Это работница костюмерного цеха, которая подрабатывает иногда и уборкой сцены. Ее осмотрели почти сразу же. Сначала провели наружный осмотр, а потом, когда она уже уходила из театра домой, более тщательный в спецфургоне, – продолжил худой.

– А что вы искали? Зажигалку? – спросил Кошмар.

– В том-то и дело, что зажигалку мы уже не искали. Зажигалку мы нашли у мертвого блондина, как только разрешено было его обыскать. В данный момент личность убитого устанавливается.

– Ребята, а зачем вам отдел внутренних расследований? – не выдержала грустного вида разведчиков Ева.

– Ну, тут ведь как... Мы сначала были очень заняты телом, – словно нехотя, внимательно отслеживая выражение лиц своих напарников, заговорил самый старший. – А потом, конечно, просмотрели пленку в зажигалке блондина. Короче, не та пленка.

– Как это – не та?

– Подлинные чертежи торпеды. Просто чертовщина какая-то. Наше начальство обязательно напишет вашему начальству, то есть вам, товарищ Кошмар, докладную и предписание завести на нас дело. Я думаю, эта докладная уже лежит у директора Службы.

– А нам – впору пойти и застрелиться! – Брюнет не выдержал медленного и спокойного повествования старшего.

– Есть вопросы. – Кошмар встал и потоптался на месте, не обнаружив достаточно свободного места, чтобы пройтись туда-сюда. – Почему вы обсуждаете со мной предполагаемые действия вашего начальства?

– Так мы же со всей душой. Когда к вам в отдел внутренних расследований вот так приходили подколпачные? А мы пришли. Нас завтра, может, уже посадят под арест. Будете брать показания по всей форме. А пока мы разговариваем по дружбе.

– Мне это все равно – по дружбе или по службе, – заметил Кошмар.

– Э, нет, не скажите. Вам ли не знать про секретность? Как только нас арестуют, перечень закрытых тем будет тут же определен. А пока мы их не знаем, ответим на все вопросы. – Старший поджал ноги, чтобы Кошмар подошел к окну. – Занавесочку все-таки не открывайте, не надо.

– Как на вас вышла военная разведка?

– Разрешите? – Худой тоже встал и доложил: – По предписанию четыреста двенадцать дробь восемьдесят три, при необходимости участия в деле специалистов определенного профиля предпочтительно привлекать к разработке операции не штатских, а служивых людей. Военного специалиста затребовал наш отдел разработок. В план операции он посвящен не был, задание получил узкоконкретное.

– И получается, что и в первый и во второй раз у вас пропала пленка с узкоконкретными изменениями и появилась неизвестно откуда пленка с настоящими чертежами торпеды, – подвела итог Ева. – Что говорят ваши фактурщики?

– Что пленка и материалы, на ней отснятые, были подготовлены в лаборатории, по уровню оснащенности максимально приближенной к нашей. Отпечатков, естественно, никаких.

– Поподробнее с изготовлением подложной пленки. – Ева задумалась на несколько секунд, прикусив губу. – Сколько пленок приготовила военная разведка?

– Разрешите мне? – Теперь встал старший. – Всего подложных пленок изготовлено было минимум три. При изготовлении первой съемка велась с чертежей. Чертежи эти отрабатывались военными независимо от подлинных, то есть подлинников у них не было. При изготовлении двух других использовали копировальный метод. Изменяли настоящий материал, снятый на пленку. Итого в отделе военной разведки осталось две пленки: одна подлинная, с чертежами, предоставленная нам лабораторией профессора, и вторая подложная, с чертежами, которые предложили военные. Ну а те две, обнаруженные нами в ходе проводимой операции, которые по первому осмотру совпадают с профессорским материалом, естественно, сейчас изъяты как вещественное доказательство нашей безалаберности и буквально расщепляются фактурщиками Службы на молекулы.

– А где вы взяли такое количество зажигалок? – поинтересовалась Ева.

– Как только Коуп подарил профессору зажигалку, было выяснено, что это продукт не штучный. Точно такие продаются в ювелирном возле «Метрополя».

– Я надеюсь, излишне спрашивать, насколько ваш отдел отработал все версии о причастности сослуживцев, знакомых и членов семьи? – поинтересовался Кошмар.

– Восемь папок отчета после первого прокола, – доложил старший.

– Когда установят личность блондина? – спросила Ева.

– Нам могут об этом ничего не сказать, – вздохнул худой.

– Я его узнаю в любом виде, а фигуру отличу и в темноте! – заверил всех брюнет. – А главное, у него шрам вот тут, на большом пальце. Заживший, буквой Х.

В наступившем молчании все уставились на брюнета.

– Он умер, – сказал наконец худой. – Тебе, Костя, отдохнуть надо.

– Да, – кивнул брюнет совершенно бессмысленно, – умер, а я его все равно где хочешь узнаю. У него шрам вот тут...

– А если нас завтра не посадят под домашний арест, – перебил его и даже заслонил собой от Кошмара старший из офицеров, – так мы известно куда пойдем. Мы пойдем в театр. Потому как операция не закончена. Так что вы, ребята, помозгуйте как следует, а то ведь если это не раскрутить правильно, то для отчета об успешном расследовании именно мы пойдем под трибунал. Кто у нас в таких случаях крайний? Исполнитель...

– Да-а-а... – протянул худой. – Дураками никому быть не хочется.

– У меня отличная зрительная память, – не сдавался брюнет. – Я его всегда узнаю.

– Какая жалость, – заметил на это худой. – Тебе срочно надо отдохнуть, а завтра опять «Дон Кихот».

4. Балерина

– Что?! Второй раз за неделю? – хотела закричать Наденька, но обессилела от возмущения, и получилось шипение.

– Вы подписали договор на два месяца и проведены официально, приказом, – помощник режиссера по сцене осматривал Наденьку медленно, сверху вниз. Он дошел до полоски на животе между приспущенными джинсами и облегающей футболкой, застыл глазами на выпуклости пупка и как-то вдруг ослабел.

Наденька, призадумавшись, натянула футболку, закрывая живот. Они молча стояли так минуты три, ненавидя друг друга до накатившей тошноты.

– Разве вам не полагается рабочая спецовка уборщика? – Помреж опустил взгляд еще ниже и теперь смотрел на ее кеды.

– Полагается, так ведь сегодня не моя смена, сегодня я в костюмерной! – Наденька повысила голос.

– Вы на меня кричите?

– Что вы, как можно. Когда я закричу, упадет люстра.

Они оба подняли головы и посмотрели на махину люстры.

– Люстра не упадет, – авторитетно заявил помреж. – Меня уверили, что она отлично закреплена. Значит, не ваша смена. Тогда постарайтесь не вертеться у сцены, постарайтесь не покидать свое рабочее место в костюмерной. Что, например, вы сейчас делаете в партере?

– Ну-у-у, – задумалась Наденька, потом сдернула очки и прищурилась, – я стараюсь соотнести на пространственном уложении сцены взглядом из зрительного зала совершенно транссексуальное пурпурно-голубое пятно костюма Ромео с геометрической компоновкой декораций.

– Странно. Очень странно.

– Что именно?

– Вы пытаетесь соотнести транссексуальное пятно костюма из одного балета с геометрической компоновкой декораций из другого. – Помреж широким медленным жестом показал на сцену. – Сегодня «Лебединое озеро».

– Спасибо, что не «Дон Кихот»!

Наденька ушла в мастерскую. После второго звонка она быстренько сбегала к знакомому осветителю, осмотрела сверху партер, потом с биноклем – бельэтаж. Никто не привлек ее внимания.

– Ты опять сегодня за уборщицу? – удивился осветитель.

– Нет, – Наденька замерла, остановившись глазами на меркнувшей люстре, – запарка у меня с костюмом. Сiju в мастерской от темна до темна. А вот завтра... – Она откровенно грустила.

– Приходи. Пожалее.

Пробираясь в темноте вниз, она думает, сколько заплатит прима. Усевшись в костюмерной перед зеркалом, медленным движением оттирает с губ помаду, комкает окрашенные салфетки и поглядывает на часы. Потом она идет в гардеробную, минует длинные ряды стоек с костюмами, чихает от пыли и слышит, как кто-то еще пробирается между костюмами, стуча по полу пуантами. Наденька приседает, задерживает дыхание. Балерине пробираться в пачке трудно, она чертыхается. Наденька привстает и видит в соседнем проходе над стойками покачивающееся черное перышко. Она опять приседает, на корточках пролезает под костюмами и оказывается в другом проходе. Садится на пол, смотрит на часы, поглаживая рукой синий бархат висящего рядом длинного платья, кое-где изъеденного молью. Отследив минутную стрелку,

Наденька встает и оглядывается. Балерина стоит через два прохода со стойками. Она растеряна. Увидев Наденьку, вздыхает и неуверенно улыбается. Глядя в глаза друг другу, женщины идут к выходу, разделенные стойками, причем Наденька идет на цыпочках и тянет шею с озабоченностью на лице, а балерина – возбужденно дыша приоткрытым ртом. Когда стойки с костюмами между ними кончаются, они неуверенно касаются друг друга кончиками пальцев, потом Наденька захватывает холодную тонкую ладонь и тянет за собой, раздвигая костюмы, в безопасный угол.

– Где ты была, антракт кончается?! – шепчет балерина, пока Наденька, присев, помогает ей снять пачку.

С трудом стащив вниз колготы, Наденька становится на колени, некоторое время смотрит перед собой на совершенно выбритый лобок, осторожно проводит по нему рукой, поглаживая, и вдыхает душный запах пудры и дезодоранта.

– Хочешь меня как-нибудь обозвать? – спрашивает она, медленно снимает очки и кладет их на пол.

– Да нет же, быстрее!

– Раздвинь ноги. Вот так. Мне раздеться?

– Господи, да шевелись, скоро выход! – Прима хватается Надежду за волосы и прижимает ее голову к низу живота.

Через пять минут Наденька помогает приме одеться. Балерина смотрит сквозь нее. На щеках горят красные пятна, она шумно дышит, уже полностью подготовив себя к роли, уже не человек, уже женщина-лебедь, удовлетворенная любовью и убирающая с дороги соперницу.

Отстучав пуантами, она убегает, так и не обнаружив Наденьку в угаре удовольствия и предчувствия тысячи глаз, которым она сейчас отдастся. Наденька поднимает с пола очки и пересчитывает деньги. Деньги пахнут дезодорантом и пудрой. Прибегают две девочки – помощницы костюмера. У «белого лебедя» оторвалась подвязка. Они шумно возятся с коробочкой «скорой помощи», выдергивая друг у друга изогнутую иголку.

Надежда уходит в туалет. Долго моет рот, губы, потом лицо. Разглядывая себя в зеркале, наблюдает, как сбегает по щекам капли воды. Вздыхает и идет на сцену за кулисы.

Она сидит у занавеса на полу, обхватив колени руками, смотрит снизу, как «черный лебедь» совсем рядом, в потоках яркого света крушит пространство своим пронзительным танцем. Замирают, забыв дышать от восторга, девочки из кордебалета, топчется за их спиной обслуга – монтировщики сцены, буфетчицы из кафе и помощники костюмеров. Открыв рот и распахнув глаза, рядом с Надеждой замерла, прижав к груди руки в перчатках, сегодняшняя уборщица сцены.

Пока восхищенный зал хлопает после па-де-па, люди за сценой медленно приходят в себя. Наденька встает и устало плетется в костюмерную.

– Вот это талант! – слышит она за спиной. – Глаз не отвести.

– Да. Она сегодня в ударе. Я ее в прошлый раз смотрела. Так себе. А сегодня она очень энергична, просто летает.

– Ой, девочки, я ведь умру, а так не станцю!

В мастерской Надежда, гордо вздернув подбородок, устойчиво устанавливает одну ногу и поднимает в стоячем шпагате другую. Захватив ее рукой, она заводит поднятую ногу за голову и смотрит на пожилого мастера в рабочем фартуке. Он стоит, косолапо расставив ноги в стоптанных тапочках, и укоризненно качает головой. Надежда опускает ногу и становится в кедах на кончики пальцев, подняв над головой напряженные руки.

– Балерина ты наша, – вздыхает мастер, – рукава готовы?

– Леон, как ты думаешь, что такое – транссексуал?

Мастер задумался.

– Сама придумала?

Наденька кивнула.

– Ну, что тут сказать. Во-первых, перестань меня называть собачьим именем. Леонид Львович, можешь запомнить? Во-вторых, если кто прискребется, сделай умное лицо и скажи, что это – сексуал в трансе или бисексуал и трансвестит в одном флаконе. Ну, поняла?

– Поняла-а-а, – тянет Надежда с восхищением. – А что такое сексуал?

– Занимающийся сексом саксаул. Хватит болтать. Берись за рукава, пока я тебе задницу не надрал.

– В конце получилось грубо, Леон...нид Львович.

5. Учительница

Четвертый урок оказался самым трудным. В этот день с самого утра закапризничали близнецы, отказываясь идти в частный детский сад. А Далила уже уехала. Кеша, конечно, тут же предложил прогулять школу, но Ева молча накормила его и вытолкала с рюкзаком за дверь. Она застыла перед шкафом с одеждой, вдруг обнаружив, что не знает, что надеть. Строгих платьев у нее сроду не было. Набор удлиненных свободных пиджаков, чтобы незаметно было оружие на поясе, предполагал снизу либо короткую юбку – в любой момент быстрый бросок ногой, – либо джинсы-резинки. И по поводу короткой юбки, и по поводу обтягивающих брюк она уже имела намеки, правда, ненавязчивые, а так, в виде дружеского совета от «коллеги» в школе.

– Там заставляют спать днем, – подошел к ней Сережа.

– А ты не спи, ты лежи и думай, – присела к нему Ева.

– Я не могу думать, когда много народу.

– Да вас всего там пятеро детей!

– И трое взрослых, – не сдавался Сережа. – Один взрослый плохо пахнет.

– Ну перестань. – Ева посмотрела на часы и сдернула с вешалки джинсы и длинный свитер. – Кто там может плохо пахнуть? У вас там нянечка, повар и воспитательница. Очень приличные молодые женщины.

– Плохо пахнет нянечка, – упорствовал мальчик, наблюдая, как Ева одевается.

– Хорошо. Давай договоримся так. Когда я вас сейчас приведу, я понюхаю нянечку, и если она плохо пахнет... – Ева задумалась.

– Что ты сделаешь?

– Я поговорю с ней. Обещаю.

– Ладно. Ты поговори, но забери нас перед сном.

– А если она ничем не пахнет?

– Тогда я попробую думать в тихий час, – вздохнул Сережа.

На улице оказался сильный ветер, Ева возвращалась в квартиру за шапками для близнецов, потом они ловили такси, потому что стоянка у школы вся занята и машину пришлось бы оставлять за квартал. И Ева совсем забыла, что нужно понюхать нянечку. Но Сереже даже не пришлось напоминать, потому что, когда молодая темноволосая женщина вышла к детям, Ева судорожно полезла в карман за платком, не успела и чихнула изо всей силы без платка.

– Извините. – Она закрыла нос, сдерживаясь, но опять чихнула. – Какие это духи?

– «Клима», – удивилась нянечка.

– Вы разбили флакон? – Ева терла нос, чтобы снова не чихнуть.

– Почему? – опять не поняла нянечка.

– Очень много вылилось.

– Вам не нравится запах? Или аллергия на духи?

– Мне-то что, я сейчас уйду, а вот молодой человек протестует. – Ева кивнула на Сережу, закрывающего нос рукой.

– Ничего, – заявил он, – я потерплю до обеда. Но спать тут не буду. Ты обещала.

– А мне нравится, – подошла Ива. – Немного пахнет мочой, немного цветами, немного лекарством. Мне не нравится, как пахнет пшикалка в туалете. Мальчики вчера ею брызгали на кровати.

– Освежитель воздуха. А пшикали потому, что нянечка пахнет! – объяснил Сережа.

Ева посмотрела на часы.

– Наш уговор в силе, – сказала она Сереже. – Я заберу вас с тихого часа, но все это время ты должен вести себя прилично. Обещаешь?

- А как это? – задумался Сережа.
- Ева присела, обняла его и прошептала:
- Прекрати нюхать нянечку.

На своем первом уроке – уроке знакомства – Ева попросила разрешения называть учеников по имени и на «ты». Возбужденный недавними невероятными событиями класс тут же, скорее в насмешку, пробуя свою власть, чем из чувства собственного достоинства, заявил, что тоже будет с нею по имени и на «ты». Ева осмотрела юные заинтересованные лица и с грустью отметила оттенок наглости, растерянности и незащищенности на них.

– Я согласна. Только, чтобы уж совсем не шокировать педагогический коллектив школы и не выслушивать нарекания о моем потерянном авторитете, прошу при обращении ко мне называть еще и отчество.

– Потому что вы старше? – последовал вопрос.

– Нет. – Ева быстрым взглядом окинула массивную фигуру проверяющего из роно на задней парте. – Потому что я знаю и умею намного больше каждого из вас. Как только вы докажете свое превосходство, как только мы перейдем от взаимоподчиненных отношений к дружеским, я соглашусь без отчества.

– Поподробнее, пожалуйста, о доказательствах превосходства, – процедила сквозь зубы знойная красавица с первой парты. – Я не поняла, что надо доказывать.

– Конкретно тебе, – задумалась Ева, разглядывая темную полосу над верхней губой девочки, – придется доказать, что ты не только красива, но и умна, выдержанна и хорошо воспитана. – Ева заглянула в классный журнал. – Ты – Лейла?

Девочка брезгливо дернула плечиком.

– Лейла – победительница городской олимпиады по биологии, не думаю, что ей надо что-то еще доказывать, – не поднимая глаз, протараторила девочка рядом с красавицей. – Меня зовут Марина.

– Хорошо, – кивнула Ева, – появился первый вопрос для нашего первого урока выживания. Какого человека вы считаете умным? Чем помогает и чем мешает ум в жизни?

– Конкретно Лейле помогает, а конкретно мне мешает, – поднял руку самый высокий парень с последней парты.

– Отстань от меня, – процедила тихо Лейла.

– Умом она понимает, что красота – еще не все. Ей приходится напрягаться, чтобы стать личностью и не быть приложением к деньгам своего папы. Я же понимаю своим умом, что, сколько бы она ни тужилась, так и останется только приложением, с высшим образованием или без него.

– Замолчи, Гвоздь, – со второй парты обернулся назад выбритый налысо Дима Кунц. – Говори про себя. – Он развернулся к Еве: – Я, к примеру, стометровку беру за десять и пять. А вы?

– Я думала, мы говорим про ум. Ну ладно. Стометровку не бегала давно, со студенческих времен. А вот марш-бросок два года назад – пять километров в полной боевой экипировке – я провела показательно. Четырнадцать минут и двадцать одна секунда. И чтобы сэкономить ваше время, могу сразу заявить, что вам меня не перепрыгнуть, не перестрелять, не пересидеть под водой. Это не в плане хвастовства или демонстрации личного превосходства. Я хочу сказать, что все это совершенная ерунда, если не управляется умом.

– Ладно, Ева... Николаевна, – улыбнулся Дима Кунц, – ум, конечно, хорошо. Но пять километров мы сейчас не побежим, под воду не полезем. Чем вы собираетесь нас наглядно поразить? Неужели будем палить по нарисованной на доске мишени?

– Я просто отвечаю на любой ваш вопрос.

– Коля Фетисов, – встал мальчик у окна. – Правда, что вы пришли в школу из ФСБ?

– Правда.

– Вы убивали людей? – тихо, почти шепотом, – Марина рядом с Лейлой.

– Да.

В наступившей тишине со среднего ряда поднялся сутулый худой подросток, сгреб в рюкзак несколько книжек с парты и молча пошел к двери.

– Это тоже поступок, – успела произнести Ева, прежде чем он взялся за ручку. – Ты можешь уйти молча, а можешь сказать свое имя, чтобы я в следующий раз не называла его по журналу.

– Меня зовут Игнат. И вы мне отвратительны.

– До свидания, Игнат, – развела Ева руками.

После минутной тишины вопросы посыпались со всех сторон.

– У вас есть дети?

– Зачем вы пошли работать в органы?

– Из какого оружия вы предпочитаете стрелять?

– Вас унижают мужчины на работе?

– Как лучше всего покончить с собой?

– У вас есть подруга или только «боевые товарищи»?

– Вы снимались голой в журналах?

В этом месте опять наступила тишина.

– Кто спросил про журнал? – Ева не хотела улыбаться, это вышло само собой.

– Я спросил, – откликнулся маленького роста черноглазый мальчик. – Я Скворец. То есть меня зовут Миша Скворец, но просто Скворец меня вполне устраивает, тем более что в классе есть еще один Миша.

– Журнал с собой? – поинтересовалась Ева.

– Что? Нет... Он у меня дома. Я сижу, смотрю на вас, и мне кажется, что уже где-то видел. Принести на следующий урок?

Вопрос задан самым невинным тоном, можно сказать, услужливо, а в глазах – откровенная наглость.

– Можешь принести на следующий урок, можешь сбежать за ним на перемене и пустить по рукам в классе. Мне все равно. Но с одним ты не можешь не согласиться. Я смотрю в «Плейбое» намного эффектнее девочек-манекенов с парафиновыми улыбками.

– Согласен, – подумав, кивнул Скворец.

С последней парты встал проверяющий из роно и, глядя в пол, быстро вышел из класса.

– Ну все, – вздохнул Дима Кунц. – Отвечайте побыстрее на наши вопросы, мне кажется, что это ваш первый и последний урок.

– Кто еще хочет уйти, я пойму. – Ева зашла за учительский стол и поставила на него спортивную сумку. – Вопросы... Если коротко, то получится так. В органы я пошла работать, потому что верила в справедливость закона. По специальности я – юрист. У меня трое детей, и все приемные, не самый счастливый вариант семьи, тем более что я не замужем. Оружие люблю все, оружием я очаровываюсь, как некоторые мужчины великолепными автомобилями. На захватах предпочитаю тяжелое – короткоствольные автоматы или полуавтоматические обрезные винтовки. С собой у меня всегда «макаров», не знаю почему, привыкла еще со времен работы следователем в отделе внутренних дел. Он устарел, но рука его хорошо помнит. – Ева завела руку за спину, почти незаметным мгновенным движением вынула оружие, достала обойму и стукнула по столу пистолетом. – Но самым совершенным считаю снайперское оружие. И раз уж пришлось к слову, обещаю, что на каждом уроке мы рассмотрим подробно, изучим, разберем и соберем по одному из видов оружия. – Она улыбнулась, оглядев задержавших дыхание детей. – Гранатомет не обещаю, тяжеловат. Сегодня, к примеру, я принесла двустольный капсюльный пистолет девятнадцатого века, девятимиллиметровый. Настоящее

произведение искусства, одна резьба чего стоит. – Ева открыла сумку. – Начнем, так сказать, с исторического прошлого оружия. Почти у каждого моего коллеги из внутренних дел или Службы безопасности есть такой вот экземпляр из прошлого. – Она аккуратно, без стука положила на раскрытый школьный журнал двустольный пистолет с круто изогнутой рукоятью и курками сверху. – Кстати, что касается мужчин и унижения. Никто никогда не унижит меня безнаказанно, но попытки были. Здесь важно знать, что именно каждый из вас понимает под унижением. Что там еще из вопросов? Подруга есть. Одна. Мы живем вместе, вместе растим наших детей. На работе предпочитаю не иметь подруг. Покончить с собой лучше всего бесшумно, безболезненно и никого заранее не предупреждая. Если же надо поиграть в самоубийцу и испугать, я расскажу как на специально подготовленном для этого уроке. Ну что, остался журнал? Сегодня, я так полагаю, – Ева посмотрела на прячущего глаза Скворца, – вы рассмотрите мои фотографии в «Плейбое». Смотрите внимательно. И постарайтесь уяснить. Самое ценное, что есть у вас сейчас и останется, если вы сбережете, в будущем, это ваше тело и ваш ум. Разденьтесь дома перед зеркалом догола, оцените свое тело и постарайтесь его полюбить настолько, чтобы беречь и лелеять. Что касается ума, его беречь не надо, его надо закалять и испытывать при любой возможности. По крайней мере, эти фотографии наглядно покажут вам, как я ценю свое тело. По-моему, я ответила на все ваши сегодняшние вопросы. Кому интересно оружие не как средство уничтожения, а как произведение искусства, подходите, смотрите пистолеты. Я сейчас напишу на доске несколько авторов книг по истории оружия для тех, кому оружие интересно именно как средство уничтожения или охоты. А вам предлагаю первую тему нашего домашнего задания. – Ева написала большими буквами: «Почему, если оружие – средство убивать, его украшают?»

Замерший класс не двинулся с места. В полной тишине вдруг стукнула упавшая на пол сумка. Это встала Лейла.

– Меня зовут Лейла Алимова, – сказала девочка тихо, глядя на Еву. – Мне нравятся хорошие автомобили, турецкая кухня, мужчины старше сорока и сиамские кошки. Я мечтаю сняться в «Плейбое», открыть ген бессмертия и влюбить в себя сектанта Игната.

Она села.

Что тут началось!..

Девочки вставали одна за другой. Потрясенная Ева узнала, что почти все они хотели бы сняться в «Плейбое», познакомиться с агентом национальной безопасности (мужчиной), что некоторым не нравится марихуана, а некоторым ЛСД, некоторым – секс с презервативами, уроки в школе, китайская кухня и замученные родители. Нравится – море на закате (на рассвете), спать в лодке посередине реки, читать любовные романы, самой зарабатывать деньги, выбирать себе одежду и еду, высокие блондины, большие лохматые собаки, селедка с вишнями, ванильное мороженое и виски с мартини.

Мальчики пришибленно молчали.

Никто не слышал звонка на перемену. Дверь класса открылась, и в нее осторожно протиснулся толстяк в очках.

– Фигус, – простонал Дима Кунц, – ты, как всегда, не вовремя!

– Позвольте, я ждал за дверью, но уже прошло семь минут моего урока...

– Простите. – Ева убрала старинный пистолет в сумку, «макаров» за пояс, написала на доске номер телефона и оглядела класс. – Спасибо всем за урок. Кто хочет завтра пойти пострелять в профессиональный тир, запишитесь сегодня на листке бумаги и положите его на мою полку в учительской до конца уроков. С восьми до десяти вечера, если я дома, я всегда отвечу на ваши звонки и помогу, чем смогу. До свидания.

Как только Ева закрыла дверь, за нею началось что-то невообразимое. Класс взревел. Ева подумала, приоткрыла дверь.

– Ребята, – сказала она, – у вас есть прекрасная возможность потренировать свой ум под руководством педагога-профессионала. Перестаньте кричать и воспользуйтесь ею.

В учительской Еву встретила полная тишина. Женщины не сводили с нее глаз, мужчины как-то скученно вышли из кабинета. Ева положила журнал, огляделась, вздохнула, села за стол и предложила всем желающим высказаться, если они уложатся...

– ...за шесть минут. У меня шесть минут, потом я должна идти к директору на ковер.

– С журналом... – замешкалась Елизавета Сергеевна, – с фотографиями – это правда?

– Правда. Еще есть вопросы?

– Вы принесли на урок оружие? – спросила молоденькая учительница младших классов и покраснела.

– Принесла. Еще?

– Вы рискуете, – это Маргарита Францевна. – Эти ваши игровые эксперименты, фотографии, оружие на столе учителя... Дети спрашивали, сколько человек вы уже убили?

– Дети, Маргарита Францевна, не так любопытны, как некоторые взрослые. Вопросы все? Тогда я пойду. – Ева вышла из учительской.

– Держу пари, что завтра ее здесь не будет, – проговорила в зеркало Лизавета, подкрашивая губы. – Проверяющий этот... из роно полпузырька валерьянки у меня выпил. Еле успокоила.

– Бывают же такие красавицы на свете, – вздохнула учительница младших классов.

– То-то и оно, – вздохнула Маргарита.

Директор сидел за столом, уставившись в одну точку. Напротив сидел завхоз Скатов. У двери стояла с приготовленным блокнотом секретарша.

– Вызывали? – Ева бесшумно прикрыла за собой дверь.

– Нет, – растерялся директор. – То есть да... Хотел вызвать.

– Приказ о приеме меня на работу написали?

– Нет.

– Понятно. Пока думаете?

– Думаю.

Они помолчали. Секретарша выразительно посмотрела на часы. Директор не поднимал глаз, изучая одному ему видимую точку на полировке стола.

– А как там мой учебный план? – поинтересовалась Ева. С каждой секундой на нее накапывала угнетающая скука.

– План? План хороший, идейно обоснован, но есть некоторые неувязки. У вас сказано «изучение оружия», но не сказано, что вы будете его изучать наглядно. Сказано – «навыки защиты и обороны», но не сказано, что дети будут посещать тир и упражняться в стрельбе. А что касается фотографий в обнаженном виде... Я вообще не могу это соотнести с вашим учебным планом.

– Ну, скажем, это может звучать так: «Воспитание у подростков уважительного отношения к здоровью, собственному телу и красоте обнаженной натуры вообще». Не пойдет? – Ева не сдержалась и зевнула. – Ладно, я подумаю на досуге, как это оформить понятно для чиновников из министерства. Но хочу заметить, что вы лично позволили по воскресеньям проводить в школе занятия по религиозным основам христианства. Сейчас, обсуждая со мной фотографии обнаженного тела, вы рискуете через полгода потерять души учеников, посещающих воскресную школу. Вы читали программу обучения батюшки, который, кстати, приезжает к школе на джипе «Тойота»? Очень интересно и показательно. «Аскетизм и любовь к своему телу, данному тебе в наказание». «Поклонение господу нашему в образах его». Ничего звучит, да? Не пугает?

– Вы не понимаете, – директор сжал виски ладонями и поморщился. – Любой родитель, посети он сегодня ваш первый урок, разнес бы мой кабинет в щепки.

– А откуда вы это знаете? Вы – тоже родитель. И я родитель. Хочу ли я, чтобы у моих детей была учительница, фотографии которой печатают в «Плейбое»? Да пожалуйста, если она профессионал в своем деле!

– Вы не профессионал.

– Согласна. Я не педагог. Я вообще все в своей работе и жизни делаю по наитию. Слишком самоуверенно сказано? Может быть, но кто из вас, учителей, учит не предмету, а жизни? Есть такие?

– Слишком много вы на себя берете, – вздохнул директор.

– Да нет же, я не собираюсь учить жизни, это вы мне предъявляете претензии, как будто собираюсь. Я только хочу им помочь выжить среди страшных, злых и глупых взрослых. Для этого я обязана делать ошибки, поражать воображение. Восхищать и вызывать ненависть.

– Я нужна? – не выдержала секретарша.

Директор посмотрел сквозь нее.

– Давайте сделаем так. – Он постучал кончиками пальцев по столу. – Еще парочка пробных уроков. Потом – моя докладная на эту тему в роно, мнение учеников и ваш учебный план, оформленный более развернуто.

– Принято, – встала Ева.

В коридоре она внимательно осмотрела проводку. Поверх оштукатуренных стен под самым потолком шли наложенные позже провода. Один из них – точно телефонный. Есть еще селекторный, по нему из кабинета директора можно вызвать учителя или ученика из кабинетов. В начальных классах – первый этаж – селекторов нет.

Ей пришлось вернуться к кабинету физики, где заканчивал урок Фигус. Дожидаясь звонка, она осмотрела дверь снаружи. Для этого Ева взяла стул в соседнем кабинете, где уныло писали контрольную работу трое учеников под бдительным оком закутанной в пуховый платок пожилой учительницы. Она скинула туфли и осторожно, стараясь не шуметь, встала на стул. Над самой дверной коробкой была просверлена маленькая дырочка, из которой выходил провод. Затем он прятался в коробке и уходил под плинтус. Ева вернула стул, подмигнула особенно грустному мальчику, загрызающему ручку, и поехала за близнецами в детсад.

– Тебя еще не выгнали с позором? – спросила вечером Далила.

– Что ты знаешь о сегодняшних школах? – ответила вопросом на вопрос Ева.

– Скука, – начала перечислять Далила, – отсутствие профессионалов, низкий уровень обучения, антисанитария, насилие, авторитаризм в стадии маразма у старшего поколения учителей и полный пофигизм у молодых специалистов, бессмысленность нищего образования как такового и кланы учеников.

– Ты неплохо осведомлена.

– Ну да, представляю! И вот приходишь ты, неотразимая внешне, невыносимая в своей профессиональной принадлежности, с пистолетом за поясом и с «Плейбоем» под мышкой! И ласково так говоришь: «Сейчас, ребятки, я вас научу стрелять, драться, правильно колоться, пользоваться средствами защиты в интимных отношениях и любить Родину». А все теткы в учительской падают замертво. Что, не угадала? Я тебя знаю как облупленную.

Ева смеется.

– Что творится в жизни, а? – Далила обнимает ее сзади и упирается носом в плечо. Они стоят у окна и смотрят на медленный полет во дворе раздутого ветром полиэтиленового пакета в вихре ярких листьев. – Ну какого черта тебя понесло в школу?

– А что ты скажешь как профессионал-психолог?

– Как профессионал?.. Учитывая твой внутренний разлад и проблемы с сильным полом, что я могу сказать? Тебе кажется, что жить осталось – всего ничего, что годы проходят, что чем выполнять приказы на благо условной безопасности Родины, лучше помочь выжить хотя бы горстке детей?

– Ну, ты уж слишком по мне прошла. Я красива и полна сил, какие годы? У меня нет проблем с мужчинами, потому что сильный пол – это я, ты, Зоя Федан и девочка-гимнастка на канате в цирке позавчера! Где ты встречала мужиков, выращивающих четверых детей, при этом написавших пару диссертаций, полностью обеспечивающих себя и детей деньгами и удовольствиями?

– Смотри не превратись в мужененавистницу, – вздыхает Далила.

– Никогда, в том-то и проблема, – вздыхает Ева. – Мне не приходит в голову искать защиты или опоры на мужском плече. Скорее спрошу мужчину, чем я могу ему помочь.

– Бедные мы, бедные! – стонет Далила. – Кто будет готовить ужин?

– А если я скажу тебе, что пришла в школу по заданию?

– А если я тебе не поверю? Что еще за задание?

– Ну, например, по программе охраны свидетелей, – предложила Ева, а про себя подумала, что не видела охраняемого уже три дня.

– Тогда ты имеешь полное право оттянуться и навредить как следует всей системе образования своим самомнением, наглостью красавицы, профессиональной боевой подготовкой и маниакальной подозрительностью.

– Кстати, о подозрительности. Мне нужно срочно позвонить.

Ева позвонила Кошмару и узнала, что внутренний отдел Службы не ставил систему прослушек и записи в школе и что это вообще звучит смешно. Еще она узнала, что Костя Вольский с матерью дважды посетил деда в больнице, один раз бассейн и психиатра. По утрам он гулял с собакой, один раз ездил с домработницей в магазин. Трижды звонил одноклассникам, последний раз – полчаса назад.

– Значит, – улыбнулась Ева, – завтра он придет в школу.

6. Балерина

Первый раз Наденька воспользовалась золотой зажигалкой, чтобы прикурить, когда стояла на улице и наблюдала перемещение осла и лошади в открытый театральный вагончик. Зажигалка услужливо – оправдывая свою дорогую оболочку – откликнулась на движение большого пальца, оживив перед лицом Наденьки теплый огонек. На город опускались сумерки, высвечивая фонарями желтые круги на асфальте, и Наденька вдруг подумала, что ее хорошо видно издалека – фигура женщины в освещенном проеме открытых ворот и язычок пламени у лица. Она огляделась. После обыска Наденька всюду таскала зажигалку с собой, иногда разглядывая ее на сукне пошивочного стола, когда оставалась одна в мастерской. Она показала зажигалку ювелиру, тот подтвердил золотую родословную, указал на швейцарское качество и назвал небольшой магазин у «Метрополя», где продаются такие же. Сумма, в которую ювелир оценил зажигалку, если бы Наденька вдруг захотела ее продать, испугала до оцепенения. Ювелир это оцепенение понял по-своему, накинул еще полтысячи. Наденька обещала подумать.

Странно, но в этот день Наденька почти не думала ни про осла, ни про лошадь. Притихшая, она сидела на дощатом полу за левой кулисой, пугая своей неподвижностью рабочих сцены и помрежа, который уже несколько раз проверял ее присутствие на рабочем месте. После второго звонка, когда помреж больше не мог отходить от своего пульта за правой кулисой, Наденька, словно вспомнив что-то важное, понеслась по лестнице на галерею, оттуда – в осветительскую будку.

– Ну что, пожалеть тебя? – спросил осветитель Марат.

В будке жарко. Марат, как всегда, разделся по пояс, от вида его мощной мускулатуры Наденьку опять одолевает легкий испуг и стыд.

– Не надо. – Она сдернула очки и уставилась на неприкаянно бродившего по партеру высокого брюнета в черном пиджаке, белой рубашке и... Это был тот самый брюнет, который на прошлом «Дон Кихоте» встречался с блондином! Теперь, когда он поворачивался, оглядывая зрителей, Наденька заметила яркий красный галстук – такой же, как на мертвце в туалете, и отливающий позолотой рисунок на нем. Она осмотрела весь партер и некоторые ложи, но других мужчин с таким же галстуком не заметила.

– Хочешь бинокль? – Марат улыбался, протягивая ей большой бинокль.

– Ого! – опешила Наденька, сдергивая очки. – Это военный?

– Полевой.

В бинокль Наденька разглядела рисунок на галстуке, пока брюнет продвигался на свое место в партере. Серп и молот. Сдохнуть на месте! Она попробовала вспомнить, какой рисунок был на галстуке мертвца в туалете, но не смогла. Красное пятно под чуть отвалившейся челюстью – это все, что она в тот момент заметила сверху.

Люстра меркла.

– Я тебе дам еще яблоко и конфету, только сиди тихо и молчи, – попросил Марат, поворачивая стойку и настраивая свет на занавес.

Наденька, убедившись, что брюнет устроился на третьем с краю кресле восьмого ряда, съела конфету и ушла вниз на сцену. В конце первого акта она уже неслась наверх. Когда глаза привыкли к темноте, Наденька вытаращила их и растерянно осмотрела сначала третье пустое кресло с краю, потом весь восьмой ряд, потом седьмой и девятый. Брюнета не было. Она понеслась вниз, металлическая лестница дребезжала под ней, с галереи хорошо был виден задний левый угол сцены. От невидимого перемещения воздуха чуть колыхались полотна декораций. Протянув руку, Наденька могла бы успокоить прикосновением ближайшее полотно, но она не стала этого делать, хотя рука потянулась к нервному полотну сама собой.

Испугав Кошелку безумным видом и странным вопросом про высокого брюнета в красном галстуке, Надежда бросилась в мужской туалет, с разбегу опустилась на четвереньки и проползла по полу. Нигде не торчали ноги. Отдышавшись, она медленно открыла двери кабинки. Пусто. Наденька мыла руки, задумавшись, стоит ли осмотреть мужской туалет для персонала театра внизу, в подвале? Решила, что не стоит, после звонка осмотрела сцену и ушла в костюмерную. Она хотела покурить потихоньку в мастерской, но пришлось ждать, пока убегут за кулисы возбужденные девочки – помощницы костюмера. Третий звонок. В полумраке костюмерной стойки с костюмами кажутся строго выстроенными в ряды театральными персонажами, безголовыми и забытыми старым колдуном. Наденька прикурила от золотой зажигалки и затянулась, задержав в себе дым. Свет был только у стола мастера. Она сняла очки, засунула их дужкой в вырез клетчатой мужской рубашки, села на пол и стала думать, куда мог подеваться брюнет. Вдруг осознав огромность здания театра, запутанность его переходов, темные кладовки с декорациями давно не ставленных спектаклей, всеми забытые помещения, где вполне мог поместиться не один колдун со свитой, Наденька поняла, что исчезнуть в театре можно глобально.

Ее отвлеч от размышлений булькающий звук. Слух у Наденьки был отличный, за три года она привыкла к разным невероятным звукам в театре, но этот был посторонним. Еще не испугавшись, заинтересованная, она прошла к стойкам с одеждой. Раздвинув душевые платья, она сначала не поняла, что это белеет на полу. Присела и тут же вскочила. Из-под стойки торчали две ноги в носках. Иногда они дергались, и раздавался тот самый булькающий звук. Еще ничего не понимая, Наденька раздвинула платья пошире и чуть не подавилась своей сигаретой.

На полу лежал крупный мужчина в одних трусах и носках. Иногда он приподнимал голову и сучил ногами, потом обессиленно ронял голову, выпуская изо рта красные пузыри.

Наденька опустилась на колени. Дрожащей рукой затушила сигарету о пол. Посмотрела в вытаращенные глаза мужчины. На всякий случай огляделась. Одежды не было. Или он пришел сюда в трусах и носках, что, конечно, невероятно, или одежду унесли. В тусклом свете от далекой лампы на столе мастера кровь у его рта кажется черной. Вот он опять приподнимает голову и силится что-то сказать. Надежда сдерживает с себя рабочую куртку (костюмы в любом состоянии и при любых невероятных событиях – неприкосновенны!) и подкладывает ее под голову мужчины. В этот момент из его рта вываливается что-то, что Надежда сначала принимает за большой сгусток крови. Потом она сдерживает дыхание, пальцем трогает на груди мужчины блеснувший бок вывалившегося металлического предмета. Со стуком на пол падает зажигалка. Наденька, не помня себя от страха, несколько секунд думает, не мог ли мужчина стащить у нее ее золотую зажигалку, раздеться до трусов и носков, засунуть эту зажигалку в рот и начать умирать в костюмерной? Рука судорожно нащупывает зажигалку, от которой она недавно прикуривала, в кармане рубашки. Так, можно перевести дух. Это другая зажигалка, такая же, но другая. А мужчина... Надежда напрягает глаза и наклоняется ниже к бледному искаженному лицу. Сомнений нет. Это – брюнет, который исчез в первом акте из партера.

– Что? – спрашивает Наденька, наклонившись еще ниже. – Я сейчас врача, я сейчас быстро, не умирайте! – Она оглядывается и с отчаянием смотрит на нависающие с боков тяжелым бархатом платья, уже решившись сдернуть одно из них и накрыть замерзающего брюнета, и за эту секунду ее раздумий становится тихо. Так тихо, что Наденька леденеет в сумрачной пыльной тишине.

– Эй... – она трогает безжизненную руку и смотрит в вытаращенные глаза, пока не понимает, что глаза эти – мертвые.

...дунь перед собой осторожно, прогони нежным зонтиком одуванчика его душу вверх, а то она заблудилась в этом анахронизме условной вечности.

Наденька с шумом выпускает из себя забытый вздох.

...молодец.

Наденька опять оглядывается, ей кажется, что кто-то шепотом – в самое ухо – назвал ее любимым театр «анахронизмом условной вечности». Она встает и сдвигает над брюнетом костюмы. Идет к столу и некоторое время думает, кого же позвать, чтобы унесли тело и вызвали милицию? Телефон в костюмерной есть, но местный. По нему можно позвонить на вахту и попросить вызвать милицию... Или сначала предупредить помрежа? Как только Наденька представила бледное возмущенное лицо Михал Петровича... Хороша она будет, когда начнет объяснять, как нашла это тело и что делала в костюмерной! А осел или лошадь уже точно успели нагадить на сцене, и она по правилам должна сидеть за кулисой и готовиться к марш-броску на сцену с веником и совком! Помреж отпадает. Тогда – кто? Наденька представила себе лица допрашивающих ее мужчин и щелкающий звук резиновой перчатки, когда ее натягивают на руку для более тщательного досмотра... Ни. За. Что.

Она решила перетащить брюнета в тот самый угол, где вчера подготавливала приму для успешного выступления. Просто чтобы никто не споткнулся о его торчащие ноги в носках. Потом она решила завернуть тело в полотно и, с трудом затащив мертвого мужчину на развернутую старую декорацию, закатала валиком. Из рта мужчины все вытекала и вытекала кровь небольшими порциями на потрескавшиеся краски старого полотна с кое-где еще видными листьями условного дерева. В это время Наденька совершенно ни о чем не думала, разве что о некоторых удобствах или неудобствах. Так, тело она закатала в декорацию, чтобы кровь больше ничего не испачкала и чтобы закрыть беззащитное свечение бледной кожи и густой поросли волос на груди. Она села на пол рядом с закатанным телом, отдышалась. Пошла к стойкам и нашарила на полу под костюмами липкую зажигалку. Спокойно вымыла ее в служебном туалете. На пятна крови на полу вылила пузырек нашатырного спирта, а когда пузырьки с шипением угасли, промокнула лужицу туалетной бумагой и спустила ее в унитаз. Пошла в пошивочный цех. Села за стол. Две зажигалки на зеленом сукне светились золотом и раздражали своим повторением друг друга. Наденька осмотрела пошивочный инструмент. Взяла самую большую иглу и вскрыла первую свою находку. Разглядывая внутренности зажигалки с исследовательским интересом, она сопоставляла взаимосвязь этих завораживающих переходов и устройств подачи топлива. Маленький черный цилиндр ни с чем не взаимосвязывался, поэтому Наденька поддела его иглой, и он вывалился на сукно. Цилиндр этот был тяжелый, из темного металла, и его Надежда решила расковырять в спокойной обстановке. Она вскрыла вторую зажигалку и усмехнулась, обнаружив еще один такой же цилиндр. Вот они уже лежат рядом, чуть в стороне от вскрытых зажигалок, похожих в разобранном виде на препарированных больших жуков. Надо спешить, Надежда закрывает зажигалки, дождавшись уверенных щелчков. И тут же она понимает, куда можно их спрятать. Вдевая в иглу толстую золотую нитку, Надежда некоторое время смотрит на цилиндры, прикидывая, куда деть их, и, пока накладывает быстрые стежки, придумывает.

Она бежит за кулису, хватая веник и совок, когда две половинки занавеса уже соприкасаются под шум хлопающего зала, и, не поднимая головы, бежит на сцену. Первый раз она загребает веником на совок экскременты, совершенно не обращая внимания ни на их вид, ни на запах, более того, потом Надежда подумала, что так и не обратила внимания, кто же их выложил! А это крайне важно для проводимого ею наблюдения определенной очередности в испражнениях лошади и осла.

За кулисами ее встречают трое в штатском и озабоченный до синевы под глазами и дрожащих рук помреж. Наденьку ведут к нему в кабинет. Ничего не спрашивая, она идет с совком. Она очень устала, поэтому странно тиха и грустна. Она готова ко всему, но ей не предлагают раздеться догола. Просто проводят руками по телу и, чуть хлопнув по коленкам, чтобы она расставила ноги, – по джинсам между ног.

– Более тщательного досмотра не будет? – слабым голосом интересуется Наденька и просит разрешения сесть. Она садится на пол, хотя один из мужчин встал и лихо раскрутил в руках стул, предлагая его.

– Да мы просто на всякий случай, это, так сказать, отголоски прошлого раза. Несколько вопросов разрешите, Надежда... как вас по отчеству?

– Я вас умоляю, – Надежда закатывает глаза.

– Хорошо. Просто Надежда. Позвольте поинтересоваться, где вы были перед началом второго акта?

– Я... – Наденька косится на помрежа, но он уходить не собирается. – Я смотрела в зал из осветительской будки.

– Смотрели в зал. И что вы там высмотрели?

– Ничего. Смотрела на публику. На наряды женщин, еще на это... На оркестровую яму. Я люблю смотреть на оркестровую яму сверху.

– Понятно. На наряды женщин – в бинокль?

– А как вы смотрите на сцену из зала?

– Ладно. А во время второго акта где вы были?

– Зашла в костюмерную. – Надежда старается не смотреть на помрежа, но его злость и раздражение чувствует на расстоянии. – Я работаю вообще-то в костюмерной, а сцену убираю ради дополнительного заработка.

Мужчины встали.

– А что, проверять содержимое совка сегодня не будете? – поинтересовалась Надежда.

Очень худой мужчина, с аскетическим лицом и веселыми глазами, посмотрел на Наденьку и подмигнул.

– А как же! – Он сдернул со стены афишу и под удивленными взглядами своих коллег вытряхнул на нее содержимое совка.

«Сегодня сходила лошадь», – автоматически отметила про себя Надежда, вставая.

– Прошу! – Ее галантно пропустили в дверях вперед, а она замешкалась, повернувшись к помрежу:

– Михал Петрович, можно забрать совок или вы потом сами принесете за кулисы?

– Ну что, – сказал худой за дверью, не заботясь о том, что уходящая Наденька может их слышать. – Ты – еще раз по туалетам, а ты – выясни, забрал ли он свой плащ из гардероба.

– Плащ он оставил в фургоне.

– Ладно. Может, ему по пейджеру позвонили и он рванул домой?

– Не мог до окончания последнего антракта.

– Ну, ребята, я не знаю. Он же специалист, в конце концов, куда он денется?

– Без оружия, – уточнил старый.

– Ну и без оружия. На кой ему оружие, он что, на схватку шел? Он шел на передачу.

– Не нравится мне это, – сопротивлялся старший.

– И мне не нравится. Такое здание не обыщешь и за несколько суток. Я не буду останавливать спектакль, допрашивать толпу зрителей и обслуги, вызывать собаку и взвод спецназа для осмотра, пока не узнаю точно, что он пропал.

«Боже мой, еще и собака!»

Наденька неслась по галерее, стучала ногами по железным ступенькам. Собака, конечно, тут же унюхает, где тело. Странно, но вместо того, чтобы прокручивать варианты срочного захоронения мертвеца, ее мозг напряженно прокручивал вопрос, нагадит ли собака в театре.

Забившись под костюмы для «Жизели», Надежда скорчилась и затаилась для обдумывания. В пыльной полутьме она сначала не поняла, что именно стоит на полу, потом присмотре-

лась. Ботинки. Черные ботинки большого размера! Подползая поближе, Наденька краем глаза заметила странную грудку одежды недалеко от ботинок, сначала подумала, что упал костюм со стойки, а когда подняла пиджак, белую рубашку и брюки, поняла, что это костюм брюнета и что не хватает красного галстука. Она огляделась и даже пошарила руками в особо темных закоулках под стойками. Задумавшись на минуту, сняла с плечиков платье с вышивкой и пышными рукавами и повесила рубашку и пиджак. Аккуратно расправила брюки и засунула их в перекладину плечиков. Расправив пышную юбку, натянула поверх мужского костюма платье. Ее вдруг осенила догадка, и Надежда уже роется в коробке с нитками, резинкой и тесьмой. «Где же это, ну где это?!» «Это» оказывается в коробке с клеями. Маленький пакетик с табаком. В костюмерной давно не пользовались нафталином, предпочитали некоторые платья посыпать от моли нюхательным табаком. Надежда щедро сыплет желтой крошкой женское платье, под которым висит костюм брюнета. Потом она долго думает, что делать с ботинками. Оперная обувь хранилась в запертом сейчас хранилище, а к пуантам и балетным тапочкам ботинки сорок пятого размера не подкинешь. Поэтому Надежда просто выкинула ботинки в мусорный контейнер костюмерного цеха, взяв их аккуратно, через тряпку, чтобы не прикоснуться к коже: призрак служебной собаки не отступал.

К концу третьего акта она точно знала, куда надо запрятать тело, но не знала еще, хватит ли ей на это сил. В костюмерном хранилище были только маленькие подвальные окна под потолком. В душной темноте Надежда почувствовала окончание спектакля по еле ощутимой вибрации – зрители толпой двинулись в гардероб. Она высидела еще полчаса, затаив дыхание, когда вдруг услышала, как кто-то ходит по хранилищу, потом этот человек шуршал костюмами, потом погас свет на столе мастера в пошивочном цехе, и стало тихо. Надежда выдохнула страх и встала. Переходы из одного помещения в другое здесь были устроены так, чтобы удобно было провозить стойки на колесиках с костюмами. Один оперный костюм мог весить до пяти килограммов. Надежда сняла платья из «Кармен» и поместила их на соседнюю стойку, а освобожденную пустую покатила в заветный угол. Стойка дребезжала, казалось, что все здание замерло, вслушиваясь в этот металлический лязг. Потом, спустившись в кладовую монтировщиков декораций, она отрезала веревку. Портняжные ножницы жевали скрученные волокна, болели от напряжения пальцы. Отрезав два куса необходимой длины, Надежда вернулась в костюмерную, обвязала с двух сторон скатанное полотно веревками, перебросила свободные концы через верх стойки, подтянула сначала один конец, потом, напрягая живот и застонав от напряжения, другой. Стойка выдержала, но верхняя часть ее прогнулась под тяжестью мертвого брюнета, который медленно болтался – что-то похожее на огромную конфету, – зловещий реквизит спектакля под названием Смерть. Проверив прочность узлов, Надежда обнаружила, что ее ноги дрожат, а в горле пересохло. Она попыталась расслабить сковавшее плечи и спину напряжение и только медленно вдохнула воздух и согнулась, чтобы его сосредоточенно выдохнуть, как вдруг услышала голос, от которого ее волосы встали бы дыбом, если бы и так не торчали вверх тремя разноцветными хвостами.

– Что это вы делаете здесь в такое время?!

– Ми...михал Петрович? – просипела Надежда, всматриваясь снизу между ног в знакомый силуэт, подсвеченный сзади аварийным светом из коридора.

– Я вас спрашиваю, что вы делаете?!

Надежда разогнулась, выдохнула и сказала, показывая рукой куда-то в пространство:

– Я... костюмы... Мне надо было остаться, кое-какая работа...

– Театр закрыт десять минут назад, все ушли. Как, интересно, вы собирались отсюда выйти?

– Что вы говорите?! – ужаснулась Надежда, лихорадочно соображая, рассказать ли про свой «запасной выход» – узкое полуподвальное окно, у которого давно расшаталась и вышла из пазов решетка. Решила, что не стоит, потому что окошко это, в которое надо было протис-

киваться долго и при минимуме одежды на теле, могло еще послужить ей в тяжелые моменты прятков или невозможности где-либо переночевать. – Какой вы молодец, что пришли сюда, меня что – заперли? Ужас! Я ведь страшно боюсь, когда здесь одна, я просто не переношу одиночества в темноте, я...

– Идите за мной, – беспрекословно потребовал помреж, скользнул безразличным взглядом по покачивающемуся на стойке тюку и, не дожидаясь, пока Надежда закроет рот, пошел к стойкам в гардеробной. Надежда двинулась за ним сомнамбулой, не чувствуя своих ног. Но когда помреж уверенно обошел одну стойку, другую, сердце ее упало.

Он подошел к той самой, под которой она нашла брүнета. Мгновенно сменяющимися картинками перед ней пронеслось: вываливающаяся изо рта умирающего зажигалка, кровавые пузыри, застывшие глаза.

– Что это такое?! – зловещим шепотом спросил помреж, раздвинув платя и показывая рукой на пол.

– Эт-то, это, понимаете...

– Не смейте мне врать! – закричал вдруг помреж. Надежда обмерла. – Это вы курили!

Как при медленной настройке резкости, из расплывчатого тумана на нее надвинулась потерянным кадром одиноко скорчившаяся на полу затушенная сигарета.

– Я, – выдохнула Надежда, еще не успев поддаться накатившему облегчению.

– И не смейте врать! – не слышал ее помреж. – Это ваша рабочая куртка, вот, полюбуйтесь! – Он поднял с пола свернутую куртку и гневно потряс ею, показывая на закрепленную прищепкой карточку в пластике с фамилией и инициалами Надежды.

– Михал Петрович, миленький, простите меня, пожалуйста, я больше не буду, – скороговоркой пробормотала Надежда, цепляясь руками за бархат ближайшего камзола, чтобы не свалиться в обмороке.

Помреж поправил очки и пристально уставился на бледное лицо Надежды.

– Пожарная безопасность для театра – это все равно, что забота о собственном здоровье для человека, – проговорил он уже спокойным голосом. – Поднимите немедленно окуроч.

Надежда упала, больно стукнувшись об пол коленками. Она нашла окуроч на ощупь, потому что ослабела до тошноты и пелены перед глазами.

– Заберите свою рабочую одежду.

Кое-как встав на ноги, Надежда прижала к себе куртку.

– Идите за мной.

– А... А почему вы пришли сюда? Вы меня искали? – поинтересовалась она, обнаружив, что они идут запасными коридорами самого нижнего подземного яруса к пожарному выходу.

– Да, представьте себе, именно вас.

– А почему мы идем к этому выходу, он же заперт?

– Потому что и у главного входа в театр, и у служебного вас ждут те самые мужчины, которые в очередной раз вывалили в моем кабинете ослиные испражнения.

– Лошадиные, – автоматически поправила Надежда. – А почему...

– Замолчите и делайте, что я скажу. Я сейчас выйду первым, подгоню свою машину, а вы закроете дверь на два оборота и быстро проберетесь на заднее сиденье.

– А...

– Молча! – повысил голос помреж.

Надежда так устала, что перестала что-либо понимать. В накатившем безразличии она видела себя словно со стороны: вот медленно, как будто обкурившись травки, она проделывает два оборота старым тяжелым ключом, вот, еле двигая непослушными ногами, она тащится к подъехавшему «Москвичу», вот пытается открыть дверцу и не может, а когда та наконец открывается, заползает в машину, как в нору – на четвереньках, а потом ложится на спину.

Помреж первым делом забрал у нее ключ от пожарного выхода. Потом в нескольких словах объяснил, куда они едут. Надежда хотела удивиться, но от слабости не смогла: они ехали к нему домой.

– Меня... меня укачало, – сказала она через несколько минут и добавила, подумав: – Наверное...

– Уберите ноги с сиденья, сядьте к окну и откройте его! – Он заметил, что руль испачкан, удивленно разглядел свою правую ладонь. Включил свет. – Странно, кровь... Ну вот, я из-за вас, вероятно, порезался.

– А может, мне лучше выйти тут? – неуверенно предложила Надежда, вдруг поняв, что ее увозят все дальше и дальше от театра, а мертвый брюнет еще не спрятан настолько надежно, чтобы не быть обнаруженным собакой.

Помреж промолчал, тормозить он и не думал, поэтому, когда Надежда опустила стекло, в лицо ей холодной сильной ладонью наотмашь ударил ночной ветер.

7. Учительница

Костя Вольский в школе был, а на урок ОБЖ не остался.

– Он вас боится, как своего ночного кошмара, – предложил версию Скворец. – Знаете, некоторые люди всю жизнь избегают тех, кто был свидетелем их унижения. А уж если кто унизил принародно!..

– Вы считаете, что я унизила Костю? – стараясь изобразить искреннее недоумение на лице, спросила Ева.

Класс загудел.

– Хорошо, давайте по порядку. Кто считает, что своим поведением в школьном дворе я унизила находившегося на крыше Костю Вольского, поднимите руки.

Почти полкласса.

– Спасибо, – сказала Ева, улыбаясь. – А теперь те, кто считает, что я сделала это правильно.

Три человека опустили руки. Интересно.

– Вы, трое, которые не считают мое поведение правильным, пожалуйста, пройдите за эти свободные парты.

– Зачем это? – подозрительно поинтересовалась полная девочка с волосами, затянутыми в тугие стоячие косички.

– Вы будете оппозицией.

Пошептавшись, тройка пересела.

– Спасибо. Итак, у нас пятнадцать минут. Мы рассматриваем экстремальную ситуацию, когда рядом с вами знакомый вам или совершенно незнакомый, но оказавшийся рядом настолько, чтобы задеть, человек пытается громко шантажировать окружающих, угрожая самоубийством. Ваши действия? – Ева расчертила доску таблицей.

Человек пять из класса решили в такой ситуации наблюдать со стороны и ни во что не вмешиваться. Еще двое сказали, что останутся только потому, что всегда носят с собой фотоаппараты и снимают экстремальные случаи. Шестеро – четыре девочки и два мальчика – сразу бы ушли подальше и постарались забыть этот спектакль. Четыре человека были уверены, что Костю надо было немедленно спасти любыми способами, применяя силу, пожарные машины и вертолеты. Одиннадцать учеников почти единодушно заявили, что человек волен делать что ему угодно, и если своими требованиями он не угрожает чьей-то жизни, то их надо выполнить, чтобы те, к кому были обращены эти требования, не «потеряли лицо». Следующая тройка предложила такой вариант происходящего: как только Костя начал «гнать волну», все должны были вместо «тупого базара» разойтись подальше, чтобы не находиться в поле его видимости, и от скуки, оставшись один, он бы наконец слез с крыши сам. Тройка оппозиции, выбрав «тугие косички» своим глашатаем, сообщила, что своим поведением Ева Николаевна провоцировала несчастье, особенно когда заявила про несовместимость цветов галстука и рубашки. Костя мог уловить иронию, и у него не осталось бы выбора.

Таблица заполнилась.

– Подведем итоги, – предложила Ева. – Тридцать два процента учеников вашего класса считают, что в предложенной для рассмотрения ситуации мое поведение оправдано. Еще восемь процентов согласны с этим с некоторыми оговорками. Двадцать пять процентов считают, что я вела себя неправильно, тринадцать процентов категорически осуждают мое поведение. Двенадцать уверены, что человека нужно оставить в полной изоляции, и девять – что он волен покончить с собой, как только ему этого захочется.

– Вы хорошо считаете, – пробубнил в тишине Коля Фетисов, – но делаете не всегда правильное округление по десяткам.

– И что это все значит? – поинтересовались «тугие косички».

– Это значит, что на примере вашего класса мы лишний раз убедились, что вы соответствуете приблизительным социологическим нормам по исследованию подобных случаев в службе МЧС. Вы – случайно подобранный вариант социума, ужившегося в навязанных вам условиях школьного распорядка. Если понятней, то по процентному раскладу ваш школьный коллектив стандартен в проявлениях одобрения, неодобрения или неожиданных действий при оговоренной нами ситуации.

– Это что получается, мы – стандарт? – поинтересовался кто-то со среднего ряда.

– Это получается, что поведение вашего коллектива предсказуемо в определенных ситуациях, как если бы вы были просто незнакомыми друг другу людьми, просто толпой на улице.

– Ну и что? – Лейла изогнула бровь. Класс явно ничего не понимал.

– Внимание! Объясняю. Сам по себе предмет по основам безопасности жизни условен, потому что никто еще не делал на эту тему специальных разработок для школьников, никто не написал учебника. Я пыталась выяснить, насколько к вам подходят или не подходят условные навыки, выработанные лучшими аналитиками по экстремальным ситуациям. Как бы вы ни были сейчас категорически самонадеянны, как бы вы ни считали себя умудренными некоторым опытом, в экстремальной ситуации вы – просто набор случайных людей, толпа, поведение которой поддается изучению, анализу и определенному контролю.

– Получается, что вы просто проверяли, насколько мы уже взрослые, чтобы оттянуться на нас по полной программе! – ехидно заметил Дима Кунц.

– Нет. Я должна была узнать, насколько вы предсказуемы, чтобы определиться с методами подачи материала. Так вот, вы предсказуемы.

– А давайте еще что-нибудь на эту тему! – попросила Марина.

– Эту тему мы закруглим. Если вы – хорошо предсказуемая в своем поведении толпа, то пусть хотя бы один человек из разных представленных здесь групп, – Ева показала на таблицу на доске, – расскажет нам, что, по его мнению, строго запрещено как неблагоприятная информация о самом себе. Например, я никогда не отвечаю на вопросы, сколько человек убиты мною при выполнении особых заданий.

Ева посмотрела на часы. Пять минут тишины. Первым не выдержал Скворец:

– Тут наши дамы на прошлом занятии уже столько о себе выдали, что, вероятно, теперь придется начать говорить мужчинам. Я никогда не скажу ни слова о своем здоровье.

В следующие одиннадцать минут Ева узнала, что сильный пол 11-го «А» класса никогда никому ничего не скажет: о некоторых способах зарабатывания денег, о разбитой машине, о ломке – «если бы она со мной приключилась», о том, что можно делать на даче, если родителей не будет неделю, о пробитой голове брата, о соседской кошке с котятами, о неудачах с презервативами, о деньгах в большой китайской вазе, об умершем друге, о случайном выстреле, об отрезанных волосах воспитательницы детского сада, о ссорах родителей и большом кухонном ноже, о чужом мотоцикле, о таблетках бабушки и некоторых ядах вообще, о последнем отдыхе на море, о цвете «ее глаз» и о лаборатории в подвале.

Ева вздохнула. Нормальные дети, хотя и изрядно напуганные жизнью. В классе поднялся шум. Девочки обсуждали друг с другом информацию о мальчиках. До конца урока осталось двадцать шесть минут.

– А какое сегодня будет оружие? – скучным голосом спросил Дима Кунц. Он выбил последний раз в тире восемьдесят из ста.

– Сегодня мы поговорим о некоторых видах прослушивающих устройств. Не будем касаться профессиональных, когда можно прослушать разговор, например, установив сложную аппаратуру, отзывающуюся на вибрацию стекла в комнате. Остановимся на, так сказать, бытовых, не очень дорогих или вообще кустарных. Как вы относитесь к прослушке в быту?

– А никак. Какие еще прослушки? – удивился большеголовый мальчик, весь урок откровенно читающий какую-то толстую книжку. Это он сказал о таблетках бабушки и ядах вообще.

– Например. Ваша мама или отец разговаривают по телефону, и вы знаете, что на том конце провода – учительница по математике, а вы только что организованно прогуляли контрольную. Сколько из вас захотели бы взять трубку параллельного аппарата?

Класс возбудился.

– Ребята, минуточку. Мы все достаточно взрослые, чтобы понимать бессмысленность обсуждения – прилично или неприлично нормальному человеку подслушивать вообще. Мы просто берем за основу условие, что подслушивают в некоторых обстоятельствах практически все, в зависимости от степени важности момента. Спасибо. Шестеро из вас трубку не взяли бы.

– А это наши отличники по математике, – подсказал Скворец. – Вы спросите их про что-нибудь еще!

– Это не важно. В силу тех или иных причин почти весь класс хотел бы услышать, что говорит о вас учитель родителям.

– А я еще хочу знать, кому отец звонит каждый вечер по часу из ванной! Ну и что? – Марина пожала плечами. – Что из этого?

– Мне нравится ход ваших мыслей. Значит, вы совершенно не удивитесь, если я скажу, что в этом кабинете физики, который числится за вашим классом, установлено подслушивающее устройство. – Оглядев застывших учеников, Ева кивнула. – Я вам сейчас объясню, где кончается просто аморальное поведение и начинается грань уголовной ответственности за несанкционированное прослушивание. Если вы поднимете трубку телефона, подгадав момент, вы можете объясняться со своей совестью или устроить скандал домашним. Но если вы запишете телефонный разговор для последующего нажима или шантажа, вы будете объясняться с представителями правоохранительных органов.

– А зачем в этом кабинете может стоять такое устройство? – шепотом спросила Лейла.

– Давайте для начала обнаружим его. Это может быть самая последняя усовершенствованная модель – крошечная пуговка с антенной, которую найдешь только при помощи сканера. А может – полный анахронизм с проводами и кустарной выработки. Минуточку. Я приглашу на несколько минут специалиста по волновой физике. Прошу. – Ева открыла дверь, и в класс боком, напряженно выпучив глаза, прошел учитель физики.

– Фигус, – разочарованно протянули ученики.

– Здесь надо знать, – сразу заговорил Фигус, не обращая внимания на шум, и, схватив мел, стал чертить на доске, – что если прибор имеет небольшой усик, то проблема решена. Звук передается этой антенной-усиком на стационарную антенну, находящуюся на крыше здания, например, или во дворе, и уже оттуда фиксируется звукозаписывающими приборами. А если это просто пуговка, как только что заметила Ева Николаевна, то потребуется антенна для передачи. Тогда пуговку крепят на что-то металлическое, к примеру, на трубу батареи, что наиболее удобно, но и легко обнаружимо. Этот металлический предмет и служит своеобразной антенной, он должен иметь определенные размеры, чтобы быть подходящим по длине волны передатчиком. Если вам это действительно интересно, – Фигус недоверчиво осмотрел застывших учеников, – я сейчас напишу формулы, и мы можем вычислить размеры предполагаемого металлического предмета, а Ева Николаевна укажет нам частоту мегагерц, на которой работает аппарат, и способ модуляции.

– Большое спасибо. Попрошу вас вычислить это к следующему уроку. – Ева записала рядом с формулами несколько частот. – Давайте исходить из того, что современное совершенное средство вещь довольно дорогая, общей антенны у вас на крыше школы нет, поэтому предположим, что прослушивающее устройство, которое установлено в этом кабинете, примитивно. Что это – просто микрофон, от которого отходит провод. Провод соединен где-то с записывающим устройством. Как найти прослушку?

– Элементарно, по проводу! – возбудился Скворец.

– Вперед! – улыбнулась Ева. – У тебя не более минуты.

Скворец вскочил и с умным видом стал разглядывать розетку.

– Электропроводка скрытая, идиот, – вздохнул Дима Кунц и медленно вышел из класса.

– Шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать, – отсчитывала Ева вслух оставшиеся секунды.

Некоторые ученики, возбудившись, стали разглядывать пол у плинтуса. И только Лейла задумчиво подошла к двери и уставилась на закрытое сеткой отверстие воздуховода в углу.

– И что будет, когда время кончится? – заинтересовалась девочка с тугими косичками.

– Нам больше не дадут искать, – ответила Ева.

Дима Кунц, задрав голову вверх, открыл дверь класса и только радостно поднял руку, чтобы показать на отверстие воздуховода, как кто-то подтолкнул его сзади.

– Два... один... ноль! – Ева развела руками.

В класс вошел запыхавшийся директор. Он подтолкнул Диму подальше от двери. В полной тишине на него смотрели застывшие ученики. Все стояли.

– Займите, пожалуйста, свои места, Ева Николаевна, прошу, – директор отдышался, поправил галстук, посмотрел на свои безупречно чистые ботинки. – Я пришел сказать, что ваш учитель заболел, поэтому последнего урока не будет. Вы можете идти домой. Что? Что случилось? – Директор удивленно оглядел класс, заметил, что все ученики повернулись назад и смотрят в угол. Он привстал на цыпочки и только было собрался хлопком в ладоши привлечь внимание, как увидел Фикуса, растерянно протиравшего очки у стенда с формулами.

– Я здоров, благодарю вас. Прекрасно себя чувствую, – растерянно пожал плечами Фикус.

– Что? А, да... Эти постоянные перестановки, учителя болеют, понимаете... У вас что, последняя – физика? Как неудачно получилось...

– Вам нехорошо? – шепотом спросила Лейла.

– Садитесь, – Ева выдвинула стул.

– Хотя, – задумался Фикус под тяжелым обреченным взглядом директора, – сейчас мне кажется, что действительно... Что-то не в порядке с моим... С моей...

– Да. Вам лучше полежать пару дней дома. А вы все свободны. – Директор достал платок и промокнул лоб.

– А можно нам заменить этот урок другим? – невинно поинтересовался Скворец. – Раньше всегда подменяли.

– Вы хотите... Вы не хотите идти домой, а хотите, чтобы вам заменили урок? – растерялся директор. – Я посмотрю по расписанию, то есть нет, все учителя сейчас заняты, навряд ли вас устроит преподаватель рисования из младших классов. Что? – Он заметил прокатившееся по классу возбуждение. – Вы хотите что-то предложить?

– О-о-о-о-Бэ-э-э-э-Жэ-э-э-э!! – взревел класс.

Ева закрыла уши. Директор поднял руку, призывая к молчанию.

– Я сейчас переговорю с Евой Николаевной, – сказал директор, дождавшись тишины. – А вы посидите в кабинете. Посмотрю, что можно сделать. Ведите себя тихо. Ева Николаевна, прошу. – Он открыл дверь и дождался, пока Ева выйдет в коридор.

Прозвенел звонок на урок. Они встали у окна, мимо пронеслись запоздавшие ученики. Ева приказала себе молчать. Директор внимательно оглядел стоящую перед ним женщину.

– Да вы опасны, – сказал он наконец, сантиметр за сантиметром ощупав ее лицо глазами. – Красивая женщина – глаз не отвести. Рискованная специальность, неплохие заработки, так ведь? Почему вам нужно разрушить именно мою работу? Почему – именно мою?

Ева молчала.

– Как вы узнали про микрофон? У вас что, словно у собаки, уже выработано чутье на эти штучки?

– Нет. Простой анализ. Я пришла вчера к вам в кабинет сразу после урока, на котором присутствовал проверяющий. Он ушел задолго до конца урока, а вы стали говорить про оружие, которое я принесла в класс. Это было уже после его ухода. Я вернулась к кабинету физики и осмотрела дверную коробку. Повезло. Нашла лишний провод. У вас такие устройства проведены в каждый кабинет? – Она распахнула глаза, сдерживаясь, чтобы не наругать.

Директор наконец отвел взгляд.

– Нет. Только в кабинет физики. Можете проверить.

– Микрофон соединен с магнитофоном, а магнитофон стоит в вашем кабинете? Это делал Скатов?

– Что? – Директор удивился и опешил одновременно. – Откуда вы?..

– Он сидел с вами в кабинете и присутствовал при нашем разговоре. Вы тогда еще вызвали секретаршу, чтобы написать на меня докладную, так? Перестраховаться хотели? Зачем вам микрофон именно в кабинете физики? Это касается одиннадцатого «А»?

Директор молчал.

– Вы что, тянете время, разговаривая со мной, а Скатов пока прячет магнитофон? Но он не успеет расковырять плинтус с первого на второй этаж и вытащить лишний провод. То-то старшеклассники возбудятся, дойдя по нему до вашего кабинета!

– Вы мне угрожаете?

– Зачем вы подслушиваете одиннадцатый «А»?!

– Потому что... Это звучит глупо, но это так. Потому что они готовят государственный переворот!

Несколько секунд Ева, опешив, смотрит на уставившегося в окно ужасно серьезного и даже испуганного директора. Потом, пряча улыбку, она достает из кармана джинсов небольшой нож, и директор дергается после негромкого щелчка и застывает, не в силах отвести глаз от выскочившего на него лезвия.

– Пойдемте со мной.

Вдвоем они доходят до поворота в коридоре. Ева становится на колени, поддевает ножом плинтус, вытаскивает желтый провод и разрезает его.

– Есть листок бумаги?

Директор, очнувшись, достает из кармана пиджака блокнот. Ева отрывает от листка узкую полоску, пишет на ней: «Кунц, ты победил!», обматывает бумажкой конец провода и загибает его. Прилаживает на место плинтус.

– Я могу идти? – Она встает, убирает нож.

Директор разводит руками, потом естественным жестом продолжает движение рук вверх, поднимает их настолько, чтобы в отчаянии потрясти ими, призывая небо в свидетели. Слов у него нет.

Ева подходит к кабинету физики, дает себе пару секунд, чтобы избавиться от улыбки, и с совершенно серьезным и озабоченным лицом открывает дверь.

– Вот!! – кричит Лейла. Она стоит ногами на стуле, глаза ее горят, сетка на отверстии воздуховода сорвана, Лейла тянет на себя черный маленький микрофон с проводом. Возбужденные ученики столпились рядом, грустный Фикус сидит на стуле возле доски.

– Уже можно выходить? Он ушел? – Из класса готовы выскочить на поиски владельца микрофона четверо бравых мальчиков. Ева отходит от двери и просит остальных подождать, потому что идут уроки и нужно соблюдать тишину. Некоторые особо любопытные высунулись из двери, из их восклицаний Ева поняла, что складной нож оказался в наличии только у Димы Кунца, и он теперь руководит отдираньем плинтуса.

– Так нельзя, – качает головой и тихо говорит ей Фикус. – Это неправильно, это может привести к плохим последствиям.

– Все нормально. – Ева кладет руку ему на плечо и слышит слабый запах валидола.

Разочарованная четверка возвращается.

– Так нечестно, – с обидой говорит Дима Кунц и рвет полоску записки. – Это вы все сами подстроили?

– Нет, – Ева жестом предлагает классу сесть, – это все подстроил директор. Он прослушивает всю школу, особенно мужские туалеты, записывает разговоры на пленку, а ночью слушает их перед сном.

Недоверие на лицах сменяется улыбками. Юноши полунамеками напоминают друг другу, о чем они в последние дни говорили в туалете. Начинается хохот.

– Ну, теперь я за вас спокойна. – Ева собирает со стола свои вещи. – Как только устроитесь на работу, внимательно осмотритесь на предмет прослушек. Не доверяйте также гостиницам и заранее заказанным столикам в кафе. Я прощаюсь. Вот последний номер «Телохранилителя» с фотографиями новейших средств подслушивания. На следующий урок обещаю принести оружие невиданной красоты.

Класс удивлен. Они уверены, что уже отвоевали у директора еще один урок ОБЖ.

– Таблица на доске. Профессиональный физик перед вами. Приступайте к расчетам и изучению волновой физики. Кстати, вы знаете тему защиты диссертации вашего преподавателя? Да-да, он пришел в школу из НИИ, а вот тема диссертации у него была, как это вы говорите, – зашибенная!

– Можно? Извините, я опоздал, – в класс входит Игнат. – А, вы еще здесь? – Он поворачивается к классу и торжественно сообщает: – Я видел, что она с директором ковырялась в плинтусе! – В Еву направлен длинный палец. Ева вздыхает и отводит его спокойным движением ладони. – Может, нам проверить этот кабинет на всякие там прослушивающие устройства?

В два часа тринадцать минут ночи прозвенел звонок телефона. Ева нащупала трубку, а потом включила свет.

– Это правда, что вам можно звонить в любое время дня и ночи, если... – юношеский голос, возбужденное дыхание, – если вопрос идет о жизни и смерти?

– Правда. Кто ты и что случилось?

– Я Костя Вольский. Я взял ваш номер телефона у Скворца. Ничего, что я не хожу на ваши уроки?

– Ничего. Спасибо, что позвонил. Что случилось?

– Вы обещали... Вы говорили, что расскажете, как правильно застрелиться или предотвратить...

– Так. – Ева села в кровати и приладила под спину подушку. – Сегодня ты хочешь застрелиться? Из чего, можно спросить?

– Это «браунинг» старого образца. Но я не собираюсь стреляться. Это мой дед. Он ушел под расписку из больницы, взял оружие и заперся в своем кабинете. Сначала звонил по телефону, а теперь там тихо. Он никогда не брал в руки оружие, он его даже боится. Как мне уговорить его открыть дверь? Он не отвечает.

– Костя, кому он звонил по телефону? – Ева прижала трубку щекой, встала и начала быстро одеваться.

– Ну, я не знаю...

– Говори быстро, кому он звонил, если хочешь, чтобы твой дед остался жив.

– Он звонил своему адвокату. Мой дед влип в историю на своей работе, может быть, вы в курсе, и у него теперь есть свой адвокат.

– Что он хотел от адвоката?

– Я только поднял трубку в столовой и услышал, что он приглашает его приехать. Больше ничего не слышал, потому что дед сказал: «Положи трубку и перестань подслушивать». Я положил.

– Все нормально. Адвокат приехал?

– Нет еще. А вдруг он сделает это до приезда адвоката?

– Не сделает. У нас есть время.

– Вы правда сможете приехать? А вы можете никому об этом не говорить?

– Могу. Слушай меня внимательно. Если адвокат соберется уходить, а меня еще не будет, скажи ему про оружие деда. Если адвокат не отреагирует, иди к деду и заведи разговор о чем-нибудь, не оставляй его одного.

Ева, одеваясь на ходу, включила вход в систему по срочному контакту. Монитор голубовато светился в темной комнате, на шум заглянула Далила.

– Спи, – сказала Ева, – через пару часов вернусь.

Она набрала сообщение в отдел внутренних расследований и нажала «отбой». Когда въезжала во двор старой «высотки», ей навстречу выехала темная иномарка. Ева записала номер. У подъезда двое дежуривших ее не остановили, а вот на лестничной клетке ей пришлось показать удостоверение и дожидаться, пока они переговорят с начальством по телефону.

В профессорской квартире огромными стеклянными лилиями светились у зеркала в коридоре бра. Пахло рассохшимся полированным деревом. Исхудавший, с синяками под глазами Костя молча провел ее по длинному, с несколькими поворотами коридору и показал на дверь кабинета.

– Один? – спросила Ева.

– Один. Адвокат только что ушел, а дед вытолкнул меня из кабинета силой.

– Ясно. Где кухня?

– Кухня?..

– Кофе, коньяк, поднос, чашки, рюмки!..

– И роза в стакане, – кивнул Костя. – Я принесу через минуту, а вы сделайте пока что-нибудь.

Ева постучала и хорошо поставленным голосом предложила кофе с коньяком.

– Кто вы? – послышалось через полминуты из кабинета. – Кто это еще?

– Учительница вашего внука. Мне нужно срочно поговорить с вами, у него проблемы.

Двустворчатая дверь так резко распахнулась, что Ева отшатнулась. Выражение растерянности на ее лице, вероятно, успокоило высокого старика, и он, осмотрев коридор за Евой, хмыкнул и впустил ее. Еле передвигая ноги, профессор добрал до кресла, а Ева, оставив дверь открытой, прошла к длинному кожаному дивану. Вошел Костя с подносом.

– Последняя роза, да? – Профессор кивнул на белый бутон в стакане, дождался, пока Ева сядет, потом сел сам.

– Нет. Есть еще одна. Желтая.

– Спасибо, родной. Это – действительно твоя учительница?

Костя кивнул.

– Красавица. Просто удивительно, что ты все дни сидишь сиднем дома, вместо того чтобы собирать макулатуру или металлолом под ее одобрительным оком.

– Дед, – вздохнул Костя, – уже давно никто не собирает макулатуру.

– Жаль. – Старик повернулся к Еве. – Чем обязан?

– Ваш внук пытался на днях покончить с собой.

– Это правда? – Профессор, не удивившись, посмотрел на Костю, налил коньяк, привстал и галантно поклонился Еве, приглашая и ее взять рюмочку.

Костя опять кивнул, хотя и зыркнул перед этим на Еву с нескрываемым раздражением.

– Это я так, понарошку. Я угрожал прыгнуть с крыши.

– По каким соображениям, разреши узнать?

– По политическим мотивам, – тут же уверил деда Костя. – Я выдвинул политические требования. Я требовал убрать из школы одного из учителей. А она пришла, обсмеяла меня, ну я и слез.

– Обсмеяла?! Тебя?! – Тут профессор так удивился, что Ева заподозрила неплохой актерский наигрыш.

– Ну да. Применила правильный психологический прием, или как это называется.

– Голубушка, что же вы хотите от меня? Я – старый человек со своими трудными проблемами. Я могу объяснить внуку неприглядность подобного шантажа, но не более того. Он – личность самостоятельная, сильная и хорошо умственно развитая. Вам нужно обратиться к его родителям. Это, по крайней мере, остудит ваш гнев по поводу его поведения, поскольку они относятся к тому типу родителей, которые свято соблюдают ритуалы поведения. Если к ним придет учительница с жалобой, она тут же будет удовлетворена полноценно разыгранным спектаклем возмущения, стенаниями на тему «А мы все для тебя сделали, а ты – неблагодарная скотина!..» и уверениями в немедленном ограничении ребенка в просмотре телевизора, в карманных деньгах. Вам это требуется?

– Нет, – Ева улыбнулась и покачала головой.

– Тогда что же вы хотите от меня в три часа ночи? – Старик вздохнул. – Давайте поговорим откровенно, уже действительно поздно. Это мальчик вас позвал? Глупо, ей-богу, глупо. Чего ты испугался? – спросил он у внука.

Костя посмотрел на стол. Ева поняла, что «браунинг» лежит под раскрытым журналом.

– Знаете, почему я стала говорить с вашим внуком, когда он залез на крышу и угрожал прыгнуть? Потому что он не собирался этого делать. Он шантажировал директора своим поведением, я помогла директору. У меня есть некоторые принципы на этот счет. – Ева встала и прошла по кабинету, разглядывая книги в шкафу. – Они заключаются в том, что человеку никогда нельзя мешать покончить с собой. Мы приходим в жизнь, не выбирая своего места и времени рождения. Человеку надо дать воспользоваться возможностью выбора хотя бы в смерти, если он этого хочет. Желание человека покончить с собой священно, даже если оно накатило вдруг, в момент сильной депрессии, или случайно, от нестерпимой обиды. Скажу больше, если человек действительно хочет покончить с собой, он сделает это тихо, не привлекая внимания и с минимумом шума и грязи.

– Что это значит – грязи? – заинтересовался профессор.

– Это значит, он никого не оповестит, не воспользуется своей смертью как мезью и не забрызгает мозгами дорогой ковер. – Ева остановилась позади профессора и потрогала толстый ковер на стене. Ее палец утонул в мягком ворсе, как в раскрывшейся головке хлопка. – Отличная вещь. Китай?

– Ручной работы, – кивнул старик, не поворачиваясь. – Старый Китай. Вы правы. Мозги на таком ковре – ни к чему.

– Даже очень умные мозги. А если пальнуть из этого в голову, так и получится. – Ева быстрым жестом достала из-под журнала «браунинг» и осмотрела его. – Заряжен, но неухожен. Не любите оружие, профессор?

– Не люблю. Тут вы правы. Это ирония судьбы, учитывая специфику моей профессии, но знаете, как это бывает в жизни? Открытие – вещь непредсказуемая. Трудно предсказать будущее и то, как это открытие будет использовано. Выйди, Костик.

– Дед!..

– Выйди. Мне нужно поговорить с этой... учительницей. – Старик дожидается, когда Костя прикрывает за собой створки двери, и смотрит на усевшуюся напротив него с другой стороны стола Еву грустно и устало. – Вы верите в вечность? – спрашивает он вдруг.

– Нет. Я не верю в то, что не могу представить. Я верю в себя, разве это менее важно?

– В себя, в партию, в идею. Это чушь. Если человек не верит в вечность, его существование бессмысленно, поскольку ему кажется, что жизнь кончится вместе с ним. Видели людей в подъезде?

Ева кивает.

– Если вас пропустили ко мне, значит – вы одна из них. Ко мне пускают только дочку с зятем, адвоката, домработницу и шофера. Что вам надо?

– Сейчас скажу. Сначала вопрос. Почему Костя живет с вами, а не с родителями?

– Дочка считает, что я – старый маразматик, которому не помешает общение с внуком. Зять надеется, что я оставлю в завещании все Косте. Домработница считает, что Костик сбежал от замучивших его нотациями родителей. Сам внук использует деда, как он выражается, «по полной программе» и вдобавок к этому учит меня жить. Я, оказывается, этого не умею. Мнение шофера вам тоже интересно?

– Нет. Вы так и не сказали своего мнения.

– Почему он со мной? Это банально. Я его люблю. Он – мое продолжение. Так что же вам надо?

– Я хочу узнать почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.